

Декор Кучков

Она

роман-новелла

Бекнур Кисиков
Ол. Роман-полилог

«Издательские решения»

Кисиков Б. С.

Ол. Роман-полилог / Б. С. Кисиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936005-2

Три ветки одного дерева, проходя через нелегкий двадцатый век становятся участниками непростого времени: коллективизации, войны, репрессии и многого другого. Роман-современная одиссея сына, мужа и отца, пребывающего в кризисе среднего возраста. Произведение написано в жанре полистиличного, постмодернистского стиля, который автор называет полилог. Национальные традиции и современная жизнь, новое и старое — все перемешалось в романе, чтобы ответить на вопрос: кто он — мужчина этого времени?

ISBN 978-5-44-936005-2

© Кисиков Б. С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава 1. Я и ты ²	9
Глава 2. Корпорация расчета	13
Глава 3. Новичок	16
Глава 4. Айсулу ⁷	19
Глава 5. Вечный билиотекарь	22
Глава 6. ФБстолярый	26
Глава 7. Шанырақ ¹⁵	29
Глава 8. Окоп	34
Глава 9. Сәлем қат ³⁰	37
Глава 10. Итзаман ³⁷	41
Глава 11. Апа	42
Глава 12. Надломленный стебель	44
Глава 13. Городские аксакалы ⁴⁶	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ол

Роман-полилог

Бекнур Сейтжанович Кисиков

*Мир – это зеркало, которое показывает каждому человеку его
собственное отражение.*

Теккерей У.

Редактор Багиля Ахатова

Корректор Гульжан Наратауова

Корректор Дана Ходжаназарова

© Бекнур Сейтжанович Кисиков, 2018

ISBN 978-5-4493-6005-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог Cover Letter to CV¹

*От: Даир Нурмаханов (dair_1968@yahoo.com)
Кому: Самуэлю Джойсу (samuel.joyce@gmail.com)
Тема: Резюме на позицию Директора по маркетингу
(перевод с английского)*

Уважаемый Мр. Джойс,

Прежде всего, хочу выразить Вам свою благодарность за то, что Вы решили рассмотреть моё резюме в рамках объявленного конкурса. Как Вы, наверное, уже увидели – оно в приложении.

Я решил написать Вам это сопроводительное письмо, которое на мой взгляд, не только продемонстрирует мое горячее стремление занять позицию директора по маркетингу в Вашей компании, но и прояснит некоторую специфику моей биографии.

Итак, меня зовут Нурмаханов Даир, я родился в 1968 году 14 февраля, в городе Алматы. В 1985 году я окончил 56-ую школу, а в 1992-м году – биологический факультет Казахского Государственного Университета. То есть, по своему первому образованию я – биофизик. Во время учебы я прошел срочную службу в рядах Советской Армии, в ракетных войсках.

Вам может показаться странным определенное несоответствие моих возрастных данных и базового образования кадровым требованиям Вашей компании, но, уверяю Вас, биография довольно типична для представителей моего поколения, родившегося еще в советское время.

Девяностые годы, когда я начинал свою трудовую деятельность, как Вы, наверное, знаете, были весьма нелёгкими для нас, молодых научных работников. Наука тогда оказалась на периферии внимания общества, как в мировоззренческом, так и в финансовом плане. И, не имея возможности найти работу по специальности (а я, признаюсь Вам честно, очень хотел заниматься наукой), я вынужден был торговать, работая в частных фирмах.

Однако то время принесло с собой много полезных новшеств, например, в сферу бизнес-образования. В 2000-м году я получил степень Магистра бизнес администрирования в Международной Академии бизнеса («МАБ»).

Это открыло мне замечательную возможность поступить на работу в международные компании в качестве маркетолога и менеджера по продажам. В них я и приобрел навыки управления проектами в этой области. Как Вы увидите в моем резюме, это очень известные компании, можно даже сказать, флагманские в своей сфере деятельности.

Мой английский, изначально базировавшийся на школьном (пусть даже и центральной школы города) и вузовском фундаменте, совершенствовался в процессе работы.

Вот уже 5 лет как я возглавляю департамент маркетинга в мультинациональной компании «Ego World Company Inc.», где координирую маркетинговую деятельность всех её филиалов в регионах Центральной Азии и Кавказа.

Я управляю командой в 112 человек и не боюсь больших коллективов. Готов к длительным командировкам и ненормированному рабочему дню. В этом отношении мой возраст позволяет говорить, что я нахожусь в самом расцвете сил.

¹ Сопроводительное письмо к резюме (англ.).

Очень люблю спорт. Он помогает мне пребывать в отличной физической форме. В юности я играл в школьной, а потом и в городской хоккейных командах. Со студенческой скамьи играю в футбол.

Чтобы поддерживать форму, ежедневно делаю пробежки. В выходные, как и всякий алматинец, люблю с друзьями совершать походы в наши горы. Не курю и практически не пью.

Я женат. У меня дочь, которая получает степень Магистра по социальным наукам в университете Утрехта (Голландия).

Если же говорить об увлечениях, то интересуюсь историей и теологией, оставаясь, конечно, светским человеком по образу жизни и по убеждениям. Не причисляю себя ни к какой конфессии, и как биофизик, предпочитаю формировать свои взгляды на знаниях всё же материального мира – на том, что можно потрогать руками или увидеть собственными глазами.

Я полагаю, Мр. Джойс, что мне удалось объяснить определённую «нестандартность» своей кандидатуры, и я искренне надеюсь, что вы сочтёте её подходящей для работы в Вашей компании.

Искренне и с наилучшими пожеланиями,

*Даир Нурмаханов
18.03.2015*

От: Самуэля Джойса (samuel.joyce@gmail.com)

Кому: Даир Нурмаханов (dair_1968@yahoo.com)

Тема: Re: Резюме на позицию Директора по маркетингу

Дорогой Даир,

Я очень польщен Вашим вниманием к данной позиции.

Хотелось бы подчеркнуть, что я с удовольствием ознакомился с Вашим резюме и отметил для себя невероятный багаж и опыт, которыми Вы обладаете.

Несомненно, наша компания позиционирует себя лучшей на рынке, наша философия заключается именно в привлечении лучших, талантливых и опытных специалистов, кем являетесь, без сомнения, Вы, уважаемый Даир.

С искренним сожалением вынужден сообщить Вам, что на позицию директора по маркетингу уже назначен другой человек.

Спешу уверить Вас, что ни Ваш возраст, ни Ваше базовое образование не сыграло никакой отрицательной роли. Наша компания не дискриминирует людей по возрасту. К примеру, я старше вас на 10 лет, а Ваш возраст в нашей системе вообще типичен для руководителей этого уровня.

Причина заключается в том, что назначенная кандидатура – это человек из внутреннего резерва нашей компании. Наша политика такова, что в вопросе конкурсного подбора кадров мы отдаём предпочтение специалистам, выращенным внутри нашей системы. Я думаю, Вы не сочтёте это несправедливым.

Тем не менее, мы не прощаемся с Вами. Ваше резюме будет у нас в базе, пока не появится подходящая позиция.

Также надеюсь на продолжение нашего дружеского общения. Мне показались крайне интересными Ваши взгляды, о которых Вы рассказали мне во время нашей встречи в Алматы. Хорошо было бы побеседовать с Вами снова приезде в Ваш город. Особенно интересны Ваши теологические взгляды, в них я вижу весьма интересный повод для дискуссии. Сам я счи-

таю себя верующим человеком, и, возможно, мне получится за чашкой кофе переубедить Вас в некоторых аспектах мировоззрения, которых Вы придерживаетесь.

В любом случае, огромное спасибо за Ваше письмо.

С наилучшими пожеланиями,

Самуэль Джойс.

21.03.15.

Часть 1

Глава 1. Я и ты²

- Пап, что для тебя музыка?
- Музыка? Это ноты. Тона. И полутона. То, что окружает нас. И то, что дышит в нас. Ведь тело находится в пространстве, а пространство в теле. И, если ноты внутри в согласии с внешним звуком, то это и есть мелодия гармонии.
- Это то, что тобой движет сейчас?
- И то, что «держит» память. Это образ возлюбленной. Это наша картина.
- Можно ли музыку назвать одержимостью?
- Да. Наверное, да. Древние говорили, что все виды опьянения меркнут по сравнению с опьянением музыкой.
- Это наркотик? Вредный наркотик?
- В нашей жизни много вредного. И многое можно назвать наркотиком. Например ... любовь. И да, музыка – тоже любовь. Ведь когда сливается воедино звучание двух разных октав, из них получается мелодия, из которой рождается великолепная музыка. Как, например – Ты.
- Но я для тебя значу больше, чем эта махина?
- Ты так называешь мой музыкальный центр?
- Да. Он вместе с пластинками, допотопными кассетами занимает столько пространства, почти всю комнату, что легче выбросить.
- Выбросив что-то, выбрасываешь и историю... Ты не понимаешь...
- Не понимаю. Не понимаю твоей привязанности. Ведь большое можно же заменить маленьким. Магнитофон, кассеты, пластинки... Представь, пап, все это ведь можно вместить в один чип.
- В маленькую бездушную букашку?
- Зато эффективную. Туда можно вместить даже всю нашу библиотеку!
- И читать, как вы, уткнувшись в гаджет? А запах книг, а шелест страниц?
- Нам нужно больше пространства в доме. Мы можем поставить туда... например, вазу. А вместо библиотеки – домашний кинотеатр. Представь?
- Может, мы сами станем чипами? Перестанем любить, рожать? Зачем? Ген в чипе, и все – готовый клон. В чем смысл жизни?
- Ты утрируешь, папа. Ты ведь сам порицал частную собственность, меркантилизм и вещизм. Но почему ты так привязан к вещам. Ведь Интернет заменил библиотеки, фонотеки, галереи и кинотеатры.
- И заменил общение.
- Но зато одновременно мы можем общаться со множеством людей. Интернет сократил расстояния.
- Сократил и человечность. Что может быть ценного в общении через экран? Электронная дружба, неживая музыка. А с этими песнями у меня связано очень многое. Вот этот альбом группы Madness, например, я купил в восемьдесят четвёртом году. Безумный стиль раскачивающихся ритмов на четных ударах барабанов. Какая шикарная пластинка!
- Но ты можешь слушать это на компьютере.

² «Ты и я» – известная работа психолога Мартина Бубера, в которой он противопоставляет отношение «Я – Ты» и «Я – Оно», где первое – любовный «диалог», живое межличностное отношение, а второе – повседневное утилитарное отношение, соответствующее аристотелевской логике.

– Доченька..если бы ты знала, с каким трудом эти пласты доставались. *Из-под полы!* Они были на вес золо-

та! Ты только посмотри на них – Kraftwerk, Bee Gees, Чингис Хан....

– Чингис хан? Группа из Монголии?

– Нет. Из Германии. Это была очень популярная группа, стебающая стереотипы. Альбом я ждал полгода... Долгое ожидание прививает уважение к музыке. Представь, как трудно доходила музыка до нас, до окраин СССР. И как я могу выкинуть эти пластинки!? С каждой из них у меня была связана та или иная история. Это память. Это приятные ощущения. Это аутентичность.. Послушай вот это....

– Это же Битлз?

– Hey Jude.. **Ты только посмотри на обложку. Шестьдесят восьмой год! Когда мне еще не было года... История... которую невозможно выкинуть. Ведь мы, алма-тинцы, выросли на песнях Битлз.**

– Красивая песня....

– Очень. И самая длинная в их альбоме. Пол написал ее, когда Джон и Синтия развелись. Чтобы поддержать их сына – Джулиана: «*Hey Jude, don't make it bad. Take a sad song and make it better*».

– Но это ведь тоже неживой звук. Шипение ...чем оно может быть лучше цифрового формата?

– Это другой звук, доченька. Уже на этапе подготовки записи к выпуску, сведение и мастеринг – они делаются по разному. Если для винила он практически не обрабатывается, то для CD его «поджимают», создают имитацию пространства с тем, чтобы звук не разлетался по панораме. То есть звук пластинки – жиивооой. Цельный и натуральный. Ни одна техноло-гичная букашка не заменит такой звук.

– Никогда не понимала песни Битлз. По мне они простые и незатейливые.

– В них есть какая-то магия. В этих простых словах. Они действительно изменили мир.

– Из музыки вашего поколения мне нравится только А-Студио. Батыр. И песня «Джу-лия».

– Тогда они назывались рок-группа «Алмата». Вот смотри так и написано «Алмата» — это очень редкий пласт. Не у всех есть... А-студио – немного позже. Ведь Джулия для нас – хит всех времен. Так здорово, что моя любимая песня нравится вашему поколению. Это дает ощущение причастности к жизни. Некой «нестарости». Ты не представляешь, как это важно для нас, для нашего поколения.

— Пап, ты и так не старый.

— Когда мы видим, что дети выросли, мы чувствуем себя ветхими...

— Пап, ну прекрати. Ты так молодо выглядишь, что мои однокурсницы были влюблены в тебя, принимая тебя за моего поклонника. Помнишь Мадинку?

— Да...

— Она влюблена в тебя.

— Какие глупости.

— Я так приняла это лично, Пап. Это было словно предательство по отношению ко мне.

(– *А ведь тебе, Даир, приятно, что в тебя влюбляются молодые девочки, ровесницы дочки.*

— *Конечно, приятно. Но не при дочери, Ол³. При ней я не могу в этом себе признаться...*

³ Ол – Он, Оно (каз.) 5 Казахконцерт – созданная 12 июля 1960 года приказом Министерства Культуры Казахской ССР №125 организация на базе сектора эстрады Государственной филармонии имени Джамбула для популяризации исторического музыкального наследия, пропаганды театрального творчества и деятельности музыкальных коллективов, а также – поддержки концертно-зрелищных мероприятий.

— Я так и думал, Даир. Не стесняйся. Дочка права – тебе всего лишь сорок семь. И от тебя зависит: сорок семь – «уже», или – «всего лишь»).

— Доченька. Ведь я тебя и так люблю больше всего на свете. Больше себя даже.

— Я знаю, пап. Я тоже тебя люблю.

В ваше время было мало музыки. Поэтому ты держишься за эти артефакты?

— Ну да. Сейчас, конечно, все доступно. Но и тогда были хорошие группы из Казахстанского концерта. Например, Дос Мукасан. Это вообще суперпопулярная группа. Но из поколения постарше.

— Удивительно, но мы с тобой, пап, никогда не чувствовали, что между нами есть разница в возрасте.

— Да. Границ у нас нет. Наверное, потому, что мы сами устали от строгости родителей. И не хотим взрослеть.

— И я могу говорить тебе о любой проблеме. Даже самой – самой тайной...

— Конечно. Всегда так было.

— Я хотела бы сказать тебе... ммм...

— Говори, доча, не стесняйся.

– В общем, папа ...я хочу замуж.

– Да???

– Вернее, не так. Собираюсь замуж.

– ???

– Знаю, что сначала должно быть согласие родителей. Церемонии, благословения и все прочие ритуалы. Но, пап, сегодня другое время.

– Что ты хочешь сказать этим?

– Ну... ты же современный. И меня учил жить без условностей.

– Знаешь, моя современность зависит от ситуации.

– Мм... как бы это сказать....В общем... я как бы уже замужем.

– Чтооо???

– Да, пап. Только не нервничай, пожалуйста. Мы уже обручились. Так надо было. И даже называем друг друга – Муж и Жена.

– Ты шутишь сейчас? Это какой-то розыгрыш?

– Нет. Все очень и очень серьезно. Мы так любим друг друга, что могли бы обойтись без свадьбы, смотрины, сватовства. Зачем это нужно? И это ведь расходы?

– Как его зовут?

– ...Данияр...

– Папааа... не молчи, пожалуйста. Скажи что-нибудь. Папаааа....

– ...Анель, ты ведь ребенок совсем.

– Пааа, мне исполнилось двадцать пять!!!

– Всего двадцать пять!

– Но когда вам с мамой было двадцать пять, у вас уже была Я.

– Но то время другое. В конце концов, не было других развлечений, кроме как жениться. А сейчас? Сейчас ведь не торопятся замуж. Сейчас брак не так актуален. Время Интернета, как ты говоришь. Зачем тебе брак?

– Пап, ну какой Интернет. Это даже не смешно.

– ...Я не готов к твоему браку. Я даже не хочу с ним встречаться.

– Ты говоришь о любви, но не хочешь принять мою любовь. Все хотят любви. Ты нашел свою любовь. Дедушка нашел нашу ажеку⁴. И я хочу любви. Я впервые полюбила. По-настоящему. И это не валентинки, пап. Это другое...

– Как давно вы встречаетесь?

– Уже два года.

– Ооо... и где были мои глаза?

– Я скрывала. Скрывала аккуратно. Чтобы ты не заметил. Мне было стыдно. Ведь единственным мужчиной для меня всегда был ты. И тут появляется другой. Совершенно другое отношение. И я, из твоей дочки, из маленькой твоей девочки, стремительно превращаюсь в девушку. Во взрослого человека... Ощущающиеся эмоции! И я... невольно закрылась перед тобой. Я стала стесняться тебя.

– Доченька... помедленней. Дай мне прийти в себя.

– ... В общем, пап... У нас будет ребенок. Через несколько месяцев... И мама давно все знает.

– Боже мой!!!

– Да, пап. Это произошло случайно. А теперь... Теперь назад дороги нет.

– Вы с мамой молчали?

– Мы боялись. А теперь поздно бояться. Уже пора делать свадьбу...

– Подлец...

– Кто? Он?

– Да. И я, потому что воспитал тебя такую!

– Он хороший, он очень хороший, пап. И ты хороший. Вы понравитесь друг другу. Разве я полюбила бы подлца? Неужели ты мне не доверяешь?

– Я тебе не доверяю уже.

– ... Я с ним поняла, что такое любовь. Я осознала себя женщиной. Пожалуйста... Поддержи меня... Мне очень нужна твоя помощь!

– Но как? Как я должен все это принять?

– Пап, мы уже назначили дату свадьбы. С моим сроком ждать нельзя!

– Вы даже не посоветовались со мной? Не получили, в конце концов, моего благословения?!

– Но это же средневековье.

– Для тебя средневековье все то, что неудобно тебе! Забеременела от первого встречного – как же, это современно. Определили дату свадьбы, не спросив отца, – к черту условности?! Для вас я кто – просто приложение? Мебель?!

(— Не злись, Даир. Успокойся

– Отстань, Ол. Посмотрел бы я на тебя)

– Папа, пожалуйста, не кричи. Тебе вредно нервничать.

– Вредно? Ты издеваешься? Вредно предавать любимого человека. Вредно врать. Скрывать. Вредно делать отца пустым местом. Вредно... Аххх (огорченно) ... Оставь меня одного! Оставь меня немедленно! Я не хочу видеть тебя!

(– Разве ты не рад тому, что у тебя будет внук, Даир?

– Нет, Ол. Не рад.

– Потому что внук сделает тебя старым?

– И не только, Ол.)

⁴ Ажека – Бабушка (каз.) на алматинском семейно-бытовом сленге.

Глава 2. Корпорация расчета

«Мы продаем не товар – мы продаем ощущение.

Что такое клиентоориентированность?

Это длинное и пустое слово.

Не мы ориентированы – а он к нам.

Клиент – ведомое существо. Он – ваш ребенок.

И он должен понимать, что мы не жалкие уличные коммивояжеры.

Мы не просители.

Мы даже не друзья.

Мы – волшебники, раскрашивающие его серую, унылую жизнь в яркие конфетти праздника.

Мы дарим ему мир – роскошный, влекущий, чарующий.

Нами должны восхищаться.

О нас должны говорить.

Ведь мы – легенда многих поколений. На протяжении века отцы и дети, матери и дочери – все поклонялись нам. И это – вечно.

И я хочу, чтобы у каждого из вас на лбу было написано наше величие.

Вы – часть этой легенды.

Забудьте о своих этнических мирах, у вас теперь одна нация – корпорация.

Вы живете только в одной стране, и у вас единственное гражданство.

Отныне – вы граждане страны X+. We are the best. И я хочу, чтобы вы просыпались и засыпали с этим девизом...»

«Мистер Голливуд» – так звали континентального директора по маркетингу. Он и выглядел как голливудский актер: моложавый, длинноволосый, подчеркнуто спортивный.

Говорил он тоже как актер – эмоционально, умело дирижируя интонациями.

И каждое его слово действительно отчеканивалось на лбу, выбивая из головы все, что было раньше.

Мозги освежались, очищая склад ненужных знаний и убеждений, скопившихся за многие годы.

«Мистер Голливуд» напоминал теле-проповедника, в экстазе вещающего со сцены.

Паства далекого континента третьего мира. Люди, которых нужно учить.

И это высокая миссия – быть просвещенцем для них, для людей бывшего ужасного Союза.

Мессия маркетинга светился радостью новых знаний, которые, безусловно, не просто полезны – жизненно необходимы «тусклым умам».

Он говорил горячо, но свободно, очаровывая открытыми манерами ньюйоркца.

Белозубая улыбка озаряла пространство, срывая молчаливые комплиментарные вздохи у женской половины аудитории.

...Маркетинг обаяния.

Даир обожал тренинги.

Он наслаждался атмосферой быстрых знаний и даже стал неким тренинговым адептом.

Но сегодня он был невнимателен.

Временами он собирался, чтобы уловить вербальные пассажи лектора и утыкался в блокнот, чтобы что-то записать.

Но все получалось несвязно, как и мысли, в которых он блуждал.

Семейный мир трещал по швам.

Ровный ход галактики разрушился метеоритным дождем новых обстоятельств.

Дочь, ставшая беременной.

Жена, скрывшая это.

И неизвестный зять.

Вся причина в ней, в супруге – Айсулу.

Давно дало трещину то, что называлось когда-то браком.

Все больше и больше охлаждали друг к другу. И Даир, все позже возвращался домой, с головой погрузившись в работу.

Когда-то пылающий очаг тлел потухшей золой остатков памяти.

Мир памяти былых надежд.

«Оставьте диаграммы и анализаторы. Все эти 5 Пи, фишбоун и прочее – это вчерашний день. Порвите их в своем сознании. Ведь мы – лаборатория успеха. Мы придумываем правила, а не правила – нас. Мы свободны от любых рынков, и нам не нужно бороться за них. Мы позволяем конкурентам, словно малым детям, заходить тогда, когда мы захотим, и уйти тогда, когда нам это нужно. И забудьте слово „конкуренты“. У нас нет конкурентов. Потому что борьба присуща простым компаниям. Наш бой – бой с самим собой. Ваша главная цель – поверить и убедить себя, что вы создаете мир, где вы первый. Сильной компанию делает не ее продукт или услуга, а сознание, которое мы усилием», – чеканными фразами декламировал неутомимый оратор.

«Те немногие дни, что они провели после первого поцелуя, убедили Даира в том, что она – единственная в этом мире, ради которой стоит жить.»

Любовь? Чувство, к которому нужно быть готовым. Или ты прольешь ее, словно воду сквозь сито.

Много раз анализируя, Даир пришел к выводу, что иллюзия была создана только им, односторонне. И ничего больше. Сказка, на которую падки юные умы ранней весны.

Разве не было долгих букетных отношений, конфетных признаний и первой ночи, после которой он утонул в океане любви?

Разве не ждал с нетерпением первой беременности, сверяя по календарю дату появления первенца?

Разве он не готов ради этой плоти от плоти своей и продолжения генов своего рода отдать все в этом мире?

И сколько еще таких «разве»?»

Он убеждал себя, каждый раз проговаривая формулы стабильности и приверженности к семье.

...Убеждения в ответственности, которую он взял и которую он любил, казалось бы, всем сердцем.

Разве он несчастлив? Счастьем, может быть, будничным по бытовому, по зрелому, заставляющим его с нетерпением ждать конца рабочего дня и лететь на крыльях домой – к этому уютному миру, который сам же построил. К дочке и жене, доверившим свои сердца ему.

Он уважает свой выбор. Безусловно... правильный выбор.

Но внезапно появившийся дискомфорт в некогда уютном доме, словно червь, точил его сердце.

С каждым разом он разъедал его душу, повергая сомнению все ценности и установленные порядки, когда-то ставшими фундаментом его жизни».

– Даир, маркетинговый план по ключевым позициям должен быть сделан максимально в кратчайший срок. На носу март. Многие иностранцы уедут. Сам понимаешь, мало кто будет работать, – выдернул его из кофейной задумчивости шеф, англичанин Джон.

Высокий, породистый англосакс любил дисциплину и быстрые отчеты.

Даир и сам где-то стал педантичным подобием шефа, требуя уже от своих подчиненных аккуратности в отчетах. И исполнительности.

...Отчеты...

Они занимали большую часть работы маркетологов.

По ним составлялся план, выверялись продажи, планировались рекламные акции и прогнозы на ближайшее время.

Как бы ни убеждал оратор, конкуренты давно наступали на пятки.

А порой – даже сбивали с ног.

....

Копирование поведения шефа здорово дисциплинировало Даира.

Да разве привыкать им копировать? Учась новому, в попытке стать лучше, люди забывали о том, кем они были. Свои корни, естество, природу. И превращались в фальшивки собственных имен.

А были ли они, корни?

Пытаясь сменить решетку старой юрты, в итоге получали то, что было старым из нового, или новым без старого.

Век изменений – старое отдано старьевщику.

.....Висящий на мониторе отчет никак не подчинялся Даиру.

Документ в формате Word висел уже третий час.

И каждая буква в нем давалась с большим усилием.

Отвлекало все: звонки, коллеги, кондиционер, открытые вкладки Интернета.

В итоге, сдавшись, Даир взял кружку кофе и ушел бродить по двору офиса.

Не в силах возвратить улетевшее в нездешнее далекое сознание обратно.

– К вам гости, – вывела его из задумчивой неги офисный секретарь.

Глава 3. Новичок

В кабинете шефа сидел молодой незнакомец.

– Даир, познакомься, это Данияр. Из головного офиса. Он будет курировать маркетинг по Центральной Азии.

Рядом с шефом стоял, немного смущенный, долговязый мужчина в темно-голубом костюме с франтовато выпущенным наружу платком из кармана.

На вид ему было не старше тридцати: подтянутый, даже сухой, с не офисным лоском, с не изношенно свежим лицом. В офисе, даже у самых молодых лицо становилось мешковато серым от недосыпа, кофе и постоянного курения.

«Болашаковец⁵», – про себя подумал Даир.

– Добрый день, Даир. Много слышан о вас. Приятно познакомиться с ветераном маркетинга компании, – протянул канцелярски ухоженную руку новый руководитель.

«Молодые шефы. За это время столько их прошло перед его глазами. Молодой апломб сбивается после первого серьезного кризиса, и реальность возвращает их из розового идеализма. Что же, молодым везде дорога. А особенно, если он учился за границей. Сделав золотых мальчиков элитой, правительство невольно сделало второсортными их, людей советского воспитания. Опыт перестал быть значимым. И даже стал компрометирующим. Чем меньше ты жил в СССР, тем лучше. Меньше был при Союзе, меньше подвержен т.н. «совковому мышлению».

А что такое «совковое мышление», Даир так и не понял.

А сколько специалистов осталось не у дел только из-за возраста. Ведь ему самому уже ...страшно подумать, 47 лет. В офисе он самый старший, кроме главы, ветерана экспата, которому за 60. Но иностранцы ценят свой опыт и возраст».

– Очень рад, Данияр. Добро пожаловать! Вы, наверное, хотите познакомиться с отделом? – не нарушая дистанции, дежурно улыбнулся Даир.

Несмотря на горизонтальную иерархию в компании, молодые боссы любят показать значимость позиции, тем самым скрывая комплекс возраста.

Поэтому Даир всегда пытался придерживаться служебного этикета, которому научился уже давно.

– О, нет, это успеется всегда, – дружелюбно ответил Данияр. – А не хотите пообедать со мной, Даир? – внезапно предложил он.

– Хорошо. Я как раз покажу одно место, – ответил Даир, вспомнив об одном заведении.

Заведение было уже заполнено окрестными клерками. Гремящая посуда, замыленные официантки, громкие голоса, перестук вилок и звон чашек – живой фон обеденного перерыва.

Стейк, гапачо, снеки, пицца – иностранные названия стали настолько обыденными, что вытеснили советское меню с привычными котлетами с макаронами и обязательным блюдом на первое – супом.

Адепты старой еды сетовали на то, что новые блюда вредные, искусственные и калорийные.

⁵ «Болашак» – программа обучения казахстанских студентов за рубежом.

Но неизвестно было что вредней: советский общепит, никогда не отличавшийся чистотой и свежестью, или современные блюда.

– Как вам работается, Даке⁶? – спросил молодой шеф, внимательно разглядывая его через свои очки.

Даир почувствовал изменение в интонации.

«Даке» – произнесено было уважительно. И даже – почтительно.

Интересный новый босс.

– Отлично. О такой работе можно мечтать, – заученно произнес он корпоративную мантру. Он – профессионал, и умеет скрывать эмоции. В конце концов, работа действительно не самая плохая.

– Ни на что не жалуетесь? – участливо продолжал выпытывать юный шеф.

– Абсолютный «Ок», – с игривым радушием ответил Даир, – Не на что жаловаться.

«Хотя, человек всегда найдет, на что пожаловаться.

А пожаловаться Даиру есть на что. Зарплата, когда-то высокая, из-за инфляции обесценилась. А должность руководителя регионального отдела – чересчур хлопотная и суетная. Командировки, перелеты, недосыпы. Список жалоб может быть бесконечным.

А, может быть, он просто ...устал.

....А зачем, собственно, золотой мальчик спрашивает?

Может, хотят уволить?»

– Вы отлично работаете. У вас хорошие показатели. Вам не о чем беспокоиться, – словно упреждая его мысли, заверил Данияр.

– Спасибо. Стараемся, – по-армейски строгоответил Даир

– Головной офис решил предложить вам повышение. Мы предлагаем вам стать руководителем офиса в Алматы с повышением оклада и сохранением социального пакета.

Данияр откинулся в кресле, давая возможность собеседнику переварить сказанное.

Пригубив из стакана воду, он внимательно посмотрел на Даира, пытаясь прочесть его реакцию. И поставив стакан, доверительно добавил:

– Конечно, ответственности станет больше. Помимо отдела маркетинга к вам добавятся и другие отделы. Но зато, у вас будет два заместителя. И самое главное – зарплата. Она увеличится почти в 2 раза, – торжественно улыбнулся Данияр.

«...Рад ли он или нет? Мечты о карьере греют душу в молодости. Но сейчас ищешь более спокойную работу. Чтобы отсидеться. И не уставать.

Но зарплата...»

– Спасибо большое за предложение. Оно действительно заманчивое, – прокашлявшись, начал Даир. – Но мне нужно подумать.

– Был бы рад, если бы вы согласились. Вы – профессионал, – продолжал убеждать новый шеф.

Затянувшись сигаретой, Даир вдохнул дым. И, немного подержав, словно впитывая крепость табака, выдохнул.

⁶ Даке – производное от имени Даир. Почтительное обращение к старшим по возрасту у казахов на основе изменении имени.

Сквозь дым на него глядело интеллигентное лицо собеседника: высокий лоб, тонкий нос и немного близко посаженные глаза. Тонкий, изящный облик интеллектуала.

Не отталкивающая, а скорее обаятельная внешность.

Пожалуй, они могли бы сработаться. Несмотря на молодость, собеседник умел нравиться.

И Даир не против был бы иметь такого сына.

Ведь он всегда мечтал о сыне.

Примерно о таком: успешном, умном, тактичном

Внезапный звонок на большой, словно монитор компьютера телефон, прервал их беседу.

И собеседник, извинившись, отошел в сторону и, прикрыв ладонью трубку, зашептал:

– Да-да, милая... Нет.... Да....Я скажу...Конечно. Хорошо, – отрывками слышались подавленные возгласы.

Словно чем-то смущенный, он подошел к столу.

Но не присаживался...

– Все нормально? – участливо спросил Даир, глядя на собеседника снизу вверх.

– Простите, Даке.. Я хотел бы поговорить еще ..., замялся Данияр. – Это не совсем о работе....

– Не о работе? – удивился внутри Даир. – О чем мы можем говорить еще?

– Даке.... Я... – потупив глаза, словно нашкодивший ребенок, пробормотал Данияр., – Я люблю Анель.И это я – ее жених и отец будущего ребенка...

Глава 4. Айсулу⁷

- Не понимаю, что тебя смущает?
– Смущает? Это мягко сказано. Меня возмущает. Возмущает все. Вокруг – заговор. Я узнаю все последним.
И еще..... этот новоявленный жених.
– Давай посмотрим на это с другой стороны. Новый шеф? Он тебя раздражает?
– Не только он. Вы все.
– Успокойся. Тебя смущает, что тобой будет командовать твой зять?
– А он уже зять?
– Ну, условно.
– Послушайте, я вообще кто для вас?
– Глава семейства... Как бы...
– Так почему решения принимаются без меня?
– Мы готовились... И не собирались что-то скрывать... Тем более – парень-то хороший. Неужели он тебе не понравился?
– Я привык к тому, что с возрастом я старею, а начальство молодеет. Но это работа, служба. Но быть подчиненным своего зятя. ... Я не готов к этому. Это выше моих сил...
– И поэтому ты написал заявление об уходе?
– Да ... В смысле нет... И вообще я давно хотел. Я перегорел. Работа перестала приносить мне удовлетворение.
– Дорогой, я понимаю тебя. Я понимаю тебя, как никогда. Но время меняется, милый. Трудно жить в современном мире со старыми стереотипами. Пойми.
– Когда же ты успела перестроиться? Я не так ловок. Для меня это жизненный принцип, по которому я живу.
– Нелепо, когда комплексы выдают за... принципы. Психолог объяснит тебе, в чем разница между принципами и страхами.
– Они существуют для того, чтобы добавить еще кучу страхов.
– Даир. Мне нравится мальчик. Он – надежный. Наша Анель будет за ним, как за каменной стеной. Разве ты не хочешь этого?
– Дело не в этом. А в...
– А в чем? – нетерпеливо перебила супруга. – Я устала слушать твое нытье. Молодые любят друг друга. И мы с тобой, как нормальные родители, поможем им.

Они замолчали, исчерпав все аргументы.

Сердитые.

Надутые.

Непреклонные.

Закаленные в многолетней ругани.

Когда-то они давали друг другу обещание, что никогда не будут ругаться.

Верящие в эпоху неверия.

Любящие в пору ненависти.

⁷ Имена всех женщин в книге начинаются с А. В эту букву автор вкладывает особый смысл, связывая его с периодом древних шаманских воззваний к звуку А.

*Прямые – в век двуличия.
Время играло с людьми.
Как впрочем, и всегда, когда существовал человек и время
Верующие становились безбожниками, чтобы выжить.
А безбожники превращались в фанатиков, создав новый культ.
Новый лидер заставил всех поверить, что лицемерие – зло.
Теперь будем говорить громко, чтобы нас услышали.
И стали звучать громкие голоса.
Настолько громкие, что люди не справлялись с чувствами.
И чувства окрасились в кровь.
Поверив, сказали слова и они.
Тогда. На площади.
То был морозный Декабрь 86-го⁸.
Когда им было всего 18...
Юные студенты, поверившие в справедливость.
Вышедшие на первый свой протест. Протест против молчания, накопленного за многие поколения.
Вышли, чтобы прокричать громкое в объявленную Гласность⁹.
Держась за руки.
Влюбленные в мир, в площадь и друг в друга, они шагали с колонной демонстрантов, уверовав в правду.
Надеясь быть услышанными.
Новый мир неизбежен.
...Но эйфория длилась недолго.
Среди них завелись провокаторы.
А их собрание окружила другая молодежь.
В форме, с дубинками и щитами. С повязками на рукавах.
Злые, насупленные, мрачные, они с ненавистью смотрели на тех, кто посмел нарушить вечное молчание.
На тех, кто покушался на привычный им мир.
Кто знал, что потом, после Декабря 86-го, уже по всему СССР пройдет серия протестов, которая, в итоге, приведет к развалу этого колосса на глиняных ногах.
Но тогда было холодно. Тогда было страшно.
Тогда была кровь.
Палачи налетели на молодежь, круша их лопатами, дубинками и железными прутами.
Бегущих – догоняли. Упавших – добивали.
Все смешалось на площади: кровь, визг, стоны, крики, ругань, солдаты, студенты, милиция.
Площадь стала красной от крови.
Дикий ужас охватил молодежь.
Отчаяние мужчин, не сумевших защитить женщин.
Боль женщин, подвергшихся насилию.
Кто-то бежал. Кто-то лежал. Кто-то бился.
Но силы были неравные.
Побежали и они.
Но Айсулу споткнулась и упала.*

⁸ Желтоксан. Протестное выступление казахской молодежи в 1986 году.

⁹ Гласность – объявленная Горбачевым М. С. политика гласности.

*Налетели солдаты. И Даир закрыл ее телом. По спине застучали дубинки.
Эта боль будет долго с ним. Обостряясь в ненастную погоду.*

Вырвавшись от них, они побежали вниз.

Солдаты бросились вдогонку. За спиной – мат, тяжелое дыхание, громкий топот казенных сапог.

Он знал эти улицы, в отличие от солдат – чужаков, заброшенных армией со всех уголков страны. И они смогли оторваться от преследователей.

...Потом было время расплаты. Люди, поверившие в перемены, были наказаны за свою веру.

*Почти всех участников протеста отчислили из института. На многих завели дела.
Были реальные сроки. И даже смерти.*

Их поколение быстро повзрослело.

Повзрослели и они... Юные, но уже взрослые Даир и Айсулу.

Декабрь сблизил их.

*Их объединило стремление к свободе, протест и пришедшее на смену страх и унижение.
И они спрятались в уголке, закрывшись ото всех и всего своей юной любовью.*

Укрывшись друг другом. Согревая и согреваясь от холода жестокого Декабря.

Они дали клятву, что никогда больше не расстанутся друг с другом.

В память о тех, кто был на площади. О тех, кто останется навечно молодым.

Став мужем и женой. Обручившись Декабрем. В стуженый медовый месяц.

И долго никто не знал, что они – обручены....

Ни близкие. Ни друзья. Ни соратники.

– Ты не можешь уйти с работы. Как мы будем жить? Как мы справим свадьбу? Ты думал об этом, – все еще злясь, прервала молчание Айсулу.

«..Неужели он был, когда-то влюблен в нее?»

Кто она – эта раздраженная, нахмуренная женщина напротив?

Когда же она успела стать такой?

..Это чужой человек.

Все это – мираж. Он не должен быть здесь.

Он не там. Или там не здесь».

– Свадьбы не БУДЕТ, – с нажимом произнес Даир

– Ой, какие мы грозные, – зло расхохоталась Она.

Дурацкая привычка высмеивать гнев приводила его в бешенство.

Но бешенство безмолвное, чаще всего переживаемое внутри себя.

Вообще-то он совершенно не зол.

Его охватило безразличие.

К ней.

К семье.

К дому.

– Для тебя мои слова – пустой звук? – привстав над столом, устало спросил Даир

– А как их понимать? – гневно сверкнув глазами, с вызовом ответила Она. – Если ты против счастья моей дочки. Значит, ты против меня. Тогда мы сами справимся

– Вот как? – удивленно протянул Даир. – Значит, я вам не нужен?

Она отвернулась, ничего не ответив.

– Я все понял, – с ледяным спокойствием произнес Даир, – Что же, если будет свадьба, значит, меня там не будет, – и, схватив плащ, выскочил из квартиры.

Глава 5. Вечный библиотекарь

Книжные полки тянулись длинным коридором по всему залу, заканчиваясь темно-синей стеной у дальнего края.

Лабиринты книг от А до Я.

Даир задумчиво прогуливался вдоль стеллажей, поглаживая корешки книг.

Выбирая наугад первые попавшиеся, он бессмысленно пролистывал, не вчитываясь в смысл, и возвращал обратно на место.

Некоторые книги были старыми и потрепанными, местами порванные и надписанные.

А другие – новые, отливающие цветным блеском, или тусклые в матовой пленке переплета.

В новых было мало иллюстраций в отличие от старых, где уютные картинки часто были обязательным фоном слов.

А Даир любил иллюстрации.

Взяв несколько книг, Даир вошел с охапкой в читальный зал.

У входа в зал восседала грузная библиотекарша.

Временами она строго посматривала поверх своих очков на немногочисленных читателей в зале. И вновь утыкалась в чтение ярко глянцевого журнала.

Вечерело, и в помещении было мало людей.

За первым столом усердно корпела над стопкой толстых учебников юная девушка-студентка с длинной, красиво заплетенной косой.

В ряду слева копошилась в планшете долговязая женщина, временами заглядывая в книги, в беспорядке лежащие перед ней.

А рядом, за соседним столом, склонился согбенной фигурой над книгой пожилой мужчина.

Временами, шурша бумагой, он неторопливо перелистывал страницы, слюнявя кончик пальца.

Пытаясь сконцентрироваться на чтении, Даир отвлекался на старика, на мысли и на постоянно болтающего Ола:

– Куда обычно уходит мужчина, когда ругается с женой? К другой женщине. Или в гостиницу, тоже с другой женщиной. Но не в библиотеку, Даир. Не в библиотеку, – нудно бубнил он под ухом.

– А я давно здесь не был, Ол. Почти с самого студенчества. Почему бы не зайти?

– Но это ведь странно...

– Не странней того, что я должен отчитываться тебе, – досадливо поморщился Даир, перевернув страницу.

– Ты просто убежал от окружающего мира, как в детстве.

– Это не бегство, Ол. Ведь книги – продолжение окружающего мира. Разве книги отделены от жизни?

– Отделимы. В книгах ты живешь чужими жизнями. А в реальности живешь своей жизнью, которой, – насмешливо скривил губы Ол, – Ты боишься. Ведь легче жить чужой, где нет ответственности. Книга ведь не может ударить. А реальная жизнь полна опасностей. Не правда ли?

– Нет..., – раздраженно уткнулся в книгу Даир. – Может мне сейчас нужно набраться знаний, мудрости, чтобы поступить правильно в жизни.

– Не каждый начитанный может быть умным. И не каждый умный – мудрым.

– Право, Ол. Ты мешаешь мне думать. Ты мешаешь мне успокоиться.

– Успокоиться в книжном безмолвии? В этой пустоте, где нет жизни и страсти? А может ты уже умер, Даир, как человек? И живет просто твое тело?

– Зря вы думаете, что в библиотеке нет жизни, – повернулся вдруг старичок. – Если бы вы знали, насколько она полна страстей. Когда-то в библиотеках проходили основные события. Любовь, ненависть, убийства, войны. А в тайных закоулках лабиринтов происходило много тайных интриг... Если бы вы только знали.

Сняв роговые очки, старик прищуренными глазками, спрятанными в глубине седых мохнатых бровей, посмотрел на Даира.

– Мы, наверное, помешали вам, – извинился Даир.

– Нисколько, – по-отечески ласково улыбнувшись, ответил старик, – Это скорей я помешал вашему диалогу. Я услышал слова вашего друга и решил вмешаться.

– Вы хотите сказать, что библиотека полна оригинальной жизни? – спросил Ол.

– Смотря, что вы понимаете под жизнью, – прищурившись, ответил старик. – Вот вы слышали, как говорят книги?

– Нет... Хотя, – задумался Даир, – Возможно. – и уже уверенней: – Определенно что-то было в детстве. Книги в нашем доме шептали. И даже – разговаривали. Я узнавал каждую по голосу, по характеру. И я пытался рассказать это взрослым. Но они подняли меня на смех... И я перестал слушать книги.

– Это возраст, когда мы можем видеть многое. А потом все это исчезает... Как и наша детская сказка, – и, взяв книгу Даира в руки, продолжил: – Мы часто видим одну сторону книги. А на самом деле граней книг может быть много. Бесчисленное множество. И эти грани совмещаются в единое целое, производящее миры. И я увидел только часть частей. А сколько скрыто там, – мечтательно протянул старик...

– Где там? – удивленно спросил Даир.

– Там, далеко... – отрешенно пробормотал старик, словно разговаривал сам с собой. Внезапно его глаза вспыхнули бесноватым блеском. – Ведь сначала было слово. А потом – множество слов. И эти слова превратились в легенды, из которых родились книги. Множество книг, ставших хранилищами жизней. Еще с древних времен, до поры великого хранилища Ашшурбанипала¹⁰, книга служила человеку и была великим началом. И эти начала, где я прочел каждую букву, я помню как сейчас.

– Помните? – изумленно уставился на него Даир.

– Вы слишком молоды, чтобы понимать, – словно что-то не договаривая, усмехнулся старик. – Книги слишком живые. Они могут танцевать. Они могут слушать. Они могут говорить. Они могут многое, что недоступно человеческому сознанию. И он, человек, отгораживается от них, создавая кладбище книг. Ведь мы видим только то, что хотим. Что мы видим, например, здесь, – кивнул головой в сторону хранилища, – полки и молчание. А между тем здесь, в данное время, происходит история, которая имеет много версий в другой плоскости. Ведь библиотека – это вещь в себе¹¹. И человеческое понимание видит только пену воды, а не волну, и тем более – не глубину.

– Вы говорите странные вещи, – недоверчиво промолвил Даир.

– Странные, потому что вы не готовы принять это, – назидательно поднял палец старик. – Они, книги, ведь разные. Такие же, как и люди. Сварливые старики, молодые выскочки, томные

¹⁰ Библиотека Ашшурбанипала – крупнейшая сохранившаяся библиотека древнего мира и древнейшая из всех известных библиотек. Составлялась в течение 25 лет в ассирийской столице Ниневии по приказу царя Ашшурбанипала (VII в. до н. э.) Служила также государственным архивом. После смерти царя фонды были рассеяны по различным дворцам. Обнаруженная археологами часть библиотеки состоит из 25 000 глиняных табличек с клинописными текстами. Открытие библиотеки в середине XIX века имело огромное значение для понимания культур Месопотамии и для дешифровки клинописи.

¹¹ Вещь в себе. По Канту.

и элегантные женщины, грубые и своенравные мужланы и молчаливые древние старцы. Книги служат людям. А я служу книгам. Я выражаю мнение книг. Считайте, что я посол книг. Нет меня самого по себе. Есть я – как часть Вселенной книг. Этой бесконечности человеческой мысли. – И придвинувшись ближе, кряхтя, прошептал скрипучим старческим голосом: – Вы слышали легенду о «вечном книгохранителе»?

– Нет.

– Это миф о хранителе, который с древних времен ищет книги, которые были утеряны. Ведь человек за всю историю написал очень много книг. Но еще больше – уничтожил. Люди знают только часть того, что дошло. Или то, что дошло в преданиях, которые называются историей. А история – это тоже миф. Вечный хранитель ищет потерянные, сожженные, истлевшие книги, чтобы отнести их в великую библиотеку. Но как только он вроде бы собирает все книги, появляются новые. И он носится по всему миру, жадно воруя книги везде. Он ненасытен. Бесконечен его труд. Как и бесконечны книги, пока живо человечество. И нет покоя вечному смотрителю Великого Хранилища. Его можно видеть во всех библиотеках. Он был и в Александрийской, и во всех греческих. Он собирал клинописи, рукописи. Пергаменты и переплеты. Говорят, он наделен таким волшебством, что увидевший его просыпается и видит новые миры. Но сам он тяготится знаниями, которые истощают его дух.

– А вы его видели? Хранителя..

– Оо, – лукаво улыбнулся старик. – Я его даже знаю.. Как ты, например своего друга – показал он на Ола.

– А где находится это хранилище?

– Это место знает только хранитель, – таинственно прошептал старик. – Оно может быть так далеко, что дойти до нее не хватит и десяти жизней. А может быть так близко, словно бы оно было вон за тем шкафом.

Даир посмотрел на шкаф.

И хотел было что-то сказать, но, повернувшись к старику, увидел, что тот уже дремал, уронив голову на грудь

Вовсю храпел и Ол, подперев лицо руками.

Вдалеке зевала библиотечарша, с трудом сдерживаясь от навалившейся сонливости.

Девушка с косой уронила голову на стопку книг, забывшись во сне.

И ее примеру последовала худая женщина, запрокинув голову назад и откинувшись на спинку стула.

Даир покачал головой и, усмехнувшись, вернулся было к своей книге.

– Даир, – чеканя слог помолодевшим вдруг голосом, окликнул его старик.

Даир вздрогнул.

На него немигающим взглядом смотрел старик.

Что-то неуловимо изменилось в его облике.

Разгладились морщины. Изменился тембр голоса.

Исчезла скрипучесть. Прямая осанка.

Живой огонь оживших глаз..

– Ты можешь видеть многое, Даир, – чеканя слог, произнес старик, – Но ты боишься смотреть душой. Не закрывай душу. Она может увидеть многое.

Сказав это, старик поднялся, и, взяв под мышку книгу, быстрым шагом направился к выходу.

Даир в оцепенении смотрел ему вслед, пока старик не пропал из вида.

Наконец, очнувшись от оцепенения, Даир снова открыл книгу.

«В маленьком раскрашенном мирке людей жест или какое-нибудь событие могут быть абсурдными только относительно – по отношению к обрамляющим их обстоятельствам.

Например, речи безумца абсурдны по отношению к обстановке, в какой он находится, но не по отношению к его бреду...»¹².

Но внезапно проснувшийся библиотекарь прервала чтение и зычным голосом скомандовала:

– Мы закрываемся. Сдаем книги.

Проснувшиеся читатели потянулись с книгами к ней.

Последним пошел Даир.

Взглянув напоследок в зал, он спросил у библиотекарши:

– А кто тот старик?

– Какой старик? – удивленно посмотрела та.

– Который сидел там, за тем столом. Возле нас.

– Возле вас? – посмотрела она в ту сторону, и, переведя взгляд на Даира, недоуменно произнесла:

– Здесь не было никакого старика.

¹² Отрывок из романа Сартра «Тошнота».

Глава 6. ФБСтолярый

....Данияру Касымову нравится фото Асели Карагуловой...

Анель Даир: Она тебе нравится?

Данияр Касымов: Кто?

Анель Даир: Асель...

Данияр Касымов: С чего ты взяла?

Анель Даир: Потому что ты ее лайкаешь. Комментишь. Чуть ли не хваленые оды пишешь

Данияр Касымов: Милая, она всего лишь моя бывшая коллега. И я знаю, что внутри это очень неуверенный и мнительный человек.

Анель Даир: По ней не скажешь. Судя по ее частым селфи¹³ с бикини – уверенность у девушки зашкаливает. Хотя, я рассмотрела целлюлит у нее.

Данияр Касымов: Что с вами, девушка? Частые селфи – признак внутренней тоски. Ей очень плохо. Ее бросил муж. У нее нелегкий период. У нее разбито сердце.

Анель Даир: А ты что, психолог? И ты решил ее поддержать? Может, съездишь, утешить горемычную, дамский утешитель?

Данияр Касымов: Это всего лишь лайк¹⁴. Он ни к чему не обязывает. Я могу лайкать многих людей в ленте. Но это не значит, что я испытываю что-то большее, чем лайк.

Анель Даир: Это выражение симпатии. И даже – эмпатии. А если женщине – это признание красоты, это намек на возможную близость. Это эролайк, что значит больше, чем просто лайк.

Данияр Касымов: А у меня он ничего не значит. Вот поверь. Абсолютно ничего.

Анель Даир: И в то же время ты не лайкнул мое фото??? Как это понимать?

Данияр Касымов: Потому что ты для меня и есть красота. Идеал, о котором необязательно говорить. Понимаешь?

Анель Даир: Если цветок не поливать, он засохнет. Твой лайк – моя поддержка. Самая необходимая опора. Ведь люди, наши френды в Соцсети судят о наших отношениях нашим эмоциям в Интернете. Представь, что они подумают, если мой жених не лайкает меня. Не означает ли это то, что ты меня разлюбил? Может, ты эту самую Асель любишь? Скажи? Я все пойму. Обижаться не буду (:

Данияр Касымов: Какие глупости. Конечно, я люблю тебя. И более того, я не представляю жизни без тебя.

Анель Даир: ...Если ты меня любишь, заблокируй, пожалуйста, эту дамочку. Удали ее из друзей.

Данияр Касымов: Но она не так меня поймет.

Анель Даир: Вот как? Хорошо, если для тебя важно ее мнение, прошу не звонить мне больше.

Данияр Касымов: Ну, зачем ты так.... Так и быть. Я заблокирую ее. Все, что скажет мое сердце. Что-то еще сделать?

Анель Даир: Не надо мне одолжений. Я вижу, ты расстроен из-за того, что не будешь видеть в ленте эту вульгарную особу???

¹³ Селфи (англ. selfie, от «self» – сам, себя) – разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру, иногда при помощи зеркала или монопода.

¹⁴ Лайк (от англ. «Like» – «нравится», «одобряю») – базовое понятие в социальных сервисах, распространившееся вместе с социальными сетями, означающее условное выражение одобрения материалу, пользователю, фотографии, выражающиеся нажатием одной кнопки.

Данияр Касымов: Нисколечки. Тебе показалось.

Анель Даир: Тогда мне нужен пароль от твоего аккаунта. Мы же одно целое. Не правда ли?

Данияр Касымов: Ну да... Но... это моя личная переписка. Это...

Анель Даир: Если мы будем мужем и женой, у нас не должно быть ничего личного. Только совместное. Поэтому... Поэтому я хочу контролировать.

Данияр Касымов: А не лучше ли нам закрыть наши аккаунты? Зачем нам этот ФБ?

Анель Даир: Ну, это неразумно. Мне нужно писать мысли. Чтобы они видели наши отношения. Чтобы я видела их жизнь. Это же целая Вселенная. Как это можно удалить? А как они увидят фотографии нашей свадьбы?

Данияр Касымов: Но на свадьбу придут наши друзья и родственники. Зачем нам другие?

Анель Даир: Ну, ты что. Не все из моих френдов могут прийти. Не всех мы сможем пригласить. Максимум 100—200 человек. А в друзьях у меня 5000 человек. Представляешь?

Данияр Касымов: Но зачем нужны эти друзья, многих из которых ты в жизни не видела?

Уведомление 1. @ Мансур Мулдакулов отметил фото с вами на Тойказане.

Анель Даир: У нас здесь образовалась такая духовная, виртуальная связь. И даже если я их не видела, они для меня очень близки и ценны.

Данияр Касымов: Но у тебя это переходит в одержимость. Твоя рука тянется к телефону даже тогда, когда мы вдвоем.

Анель Даир: Ну, дорогой, это тебе кажется.

Данияр Касымов: А ты смогла бы сейчас отказаться на время, хотя бы. На пару дней удалить свой аккаунт.

Анель Даир: Ммм... ну... вообще-то... возможно.

Уведомление 2. Сообщение.

Айгуль Сырбаева: Анельчик, звоню, звоню. Не берешь. Когда встретимся?

Анель Даир: Ну, мы же здесь можем поговорить.

Айгуль Сырбаева: Что значит здесь? Я хочу видеть тебя. Разве общение в личке что-то дает? Ты что?

Анель Даир: Хорошо. Хорошо, я позвоню тебе. Я сейчас с Даником переписываюсь. Отзвонюсь

Айгуль Сырбаева: О... передай привет ему от меня. Он классный. Люблю

Анель Даир: Кого. Меня или его?

Айгуль Сырбаева: Обоих. Пока-пока.

Данияр Касымов: Как там папа?

Анель Даир: Никак. Ушел из дому и не берет трубку.

Уведомление 3. Письмо.

Анна Калашикова: Анель, я скинула вам отчет.

Посмотрите?

Анель Даир: Хорошо

Анна Калашикова: Не стала отправлять по имейлу. Так быстрее.

Анель Даир: Ок. Я отвечу попозже. Спасибо.

Данияр Касымов: Мне казалось, что у меня получился разговор. Но потом я его потерял. Уже третий день его нет работе.

Анель Даир: И дома тоже нет. Не знаю, что делать.

Данияр Касымов: Так, где он может быть?

Анель Даир: У аташки и ажеки. Когда он ругается с мамой, он сразу туда бежит.

Уведомление 4. Айгерим Даут просит лайкнуть страницу «Мир гармонии и отсутствия ссор».

Глава 7. Шанырақ¹⁵

– Даиииррр... Даиииррр, – слышался вдалеке зовущий женский голос...

Море, вспениваясь белой пеной, обрушивалось на крутой косогор берега.

– Даиррр... Назааддд, – слышался отчетливый голос матери.

Он, не оглядываясь, бросился в воду.

Барахтаясь маленьким тельцем ребенка, его отбрасывало на берег, но он все равно упорно кидался в море, пытаясь схватить уплывающий детский мячик.

Большая волна накрыла его, и, уйдя под воду, он на миг потерял сознание, погрузившись в другой мир, наполненный чередой картин.

Вот он плывет уже сильными рывками уверенного тела 20 летнего юноши. А вот он уже рядом с невестой идет ярким солнечным днем майской весны Алматы.

И наконец он видит себя, лежащим в постели, в родительской квартире. На той же кровати, на которой прошло его детство. Из окна светила яркое утреннее солнце. Сладкая истома радостного пробуждения по-детски охватила отдохнувшее тело.

Комната была наполнена ароматом свежих, только испеченных бауырсаков¹⁶, которые обычно мама пекла

в Священную Жума¹⁷. Даир радостно потянулся, предвкушая прекрасный мамин завтрак и уютный день у родителей.

...Из приоткрытой двери доносились голоса:

– Он выглядит словно побитая собака, выгнанная из дому. Разве мужчина уходит из дома? В наше время не было такого, – прогудел недовольный, надтреснутый бас отца.

– Смагул, с ней любая собака завоет. Она холодная, словно лед. Ледяная. А мужчине нужно тепло, – ворчала мама.

Мама всегда защищала. И в детстве. И сейчас.

– Айша. Она мать твоей внучки...

– Я сказала неправду?

– Сын сам виноват. Вырос, словно большой теленок. И ты не отпускаешь от вымени.

– Ох, Смагул. Как ты заговорил? Он большой ребенок. Они – дети всегда. Они не видели того, что мы видели...

– Но ему под 50. Понимаешь?

– Ну и что? Что в этом такого? – упрямо твердила Айша.

– Эх, что говори тебе, что не говори.

Даир аккуратно вышел из комнаты:

– Доброе утро, папа, мама.

– Доброе, – пробурчал старик, уткнувшись в пиалку¹⁸.

– Ой балам¹⁹, проходи. Садись. Сейчас я накормлю тебя, – радостно засуетилась Айша.

Даир аккуратно прошел за стол, пытаясь не смотреть на отца. Он всегда испытывал неловкость, некую робость перед отцом.

Это чувство осталось еще со времен детства. Они практически не виделись. Отец – целый день на работе. И в те редкие минуты, когда Смагул был дома, сын всячески избегал его.

¹⁵ Шанырақ – конструктивный элемент, увенчивающий купол юрты в виде решетчатой крестовины, вписанной в круг. В данном случае символизирует главный дом.

¹⁶ Баурсак – традиционное мучное изделие казахов. Как правило, готовится из пресного или дрожжевого теста в виде небольших пончиков (ромбовидной или круглой формы), изготавливаемых путём жарки во фритюре в казане.

¹⁷ Жума – пятница.

¹⁸ Пиала (каз.) – чаша.

¹⁹ Сынок. (каз.). Бала – сын.

– Работать нужно, отдавая всего себя. Забыв обо всем, – говорил в редкие минуты многословия отец.

...Закипел чайник на газе. Мама не любила быстрые чайники:

– Они портят воду. Не должна вода быть быстрой. Так и жизнь пройдет быстро. Вода для нас священна, – оправдывалась мама перед внуками, надарившим ей кучу брендовых чайников.

Вся новая кухонная техника оставалась пылиться в кухне, контрастируя антуражу старой дубовой мебели почти сталинских времен.

– Она впитала ваше детство. Ваши вкусы. Она стала почти живой. Это живая мебель. Она сделана во времена вечных вещей и будет стоять еще долго. Не люблю я эти новые поделки ненастоящие, – ворчала Айша, пресекая попытки детей заменить старый хлам

Но хламом трудно было назвать эту мебель. Весь советский сервиз, чашки, тарелки и фужеры аккуратно были расставлены по полкам и празднично блестели за стеклами серванта, покидая шкаф по особым случаям.

На столе были традиционные баурсаки, сметана, талқан²⁰, сузбе²¹ и куски домашнего сыра.

Мама никого не любила подпускать к кухне, ревностно охраняя свое хозяйство. Если кто-то готовил на кухне без ее ведома, порядок вещей нарушался, и она долго сердито бурчала, что де из-за беспорядка не может найти то, что должно быть под рукой.

– Что тебе сегодня приготовить? Может беляши пожарить? Лапшу?, – привычно засуетилась мама, а отец уткнулся в газету, усиленно что-то читая.

«Милая мама. Ты уже не молода, как прежде. Сколько тебе уже? Уже за 80? Ужас. Как бы я хотел, чтобы ты жила еще раз 80 лет. Ты же можешь, мама, ты сделана из стали. Что бы вы оба жили еще раз 80 лет со своим вечно сердитым, суровым парнем – стариком, изображающего из себя смешную строгость... Эх, папа, мам, как же я люблю вас. Как хочу обнять вас. Вы такие милые, как дети. И в то же время взрослые. Простите, что я не уделяю вам достаточно времени. С этой суетой. А может, к черту все. Буду жить с вами».

Еле передвигающаяся при помощи палочки, с больными коленями, ревматизмом и давлением, Айша, тем не менее, ни минуту не сидела без дела. Мастерила, вышивала, надев огромные лупообразные очки в роговой оправе. Иногда вязала и пряла. Временами ей помогала живущая в их доме родственница из аула, студентка Анаргуль.

Старушка сердито прогоняла ее, ругая за небрежность и неаккуратность. Но через какое-то время, не справившись с ниткой и иголкой, опять звала нерадивую помощницу.

– Ты взял отпуск, сынок? – осторожно спросила мать.

Даир не ответил, судорожно взяв в руки горячую чашку и усиленно глотая чай.

Ему как можно дальше хотелось отогнать мрачные тучи вчерашних переживаний от этого идеального, солнечного, почти детского дня.

– Я уволился, мама. Наверное, перейду на другую работу, – вспомнив разговор с Данияром.

– Человек всегда должен работать. Мужчина не должен сидеть дома. Он должен работать, – куда-то в сторону изрек Отец.

«Да кто же спорит. Он найдет работу. С его опытом – это не проблема. А не найдет, обратится к друзьям в Астане, которые занимают высокие посты. Они-то точно найдут».

²⁰ Талқан – мелкая крупа из поджаренных зерен пшеницы, овса, проса, ржи, ячменя или кукурузы в кухне казахов.

²¹ Сузбе – творожная масса, полученная путем обезвоживания айрана (кефира).

*Да и надоело работать в это маркетинговом мире – разве он для этого родился?
Отца можно понять. Он раб работы. Человек системы. Не дающий ни себе, ни другим
ослабления.*

А он?

*Он уже живет в то время, когда работа перестает быть обязательным инструментом
успеха мужской инициации и жизненного порядка».*

– Я найду работу, папа. Сокращение. Тяжелые времена у компании. Кризис. Поэтому пришлось уйти, – чуть покраснев, соврал Даир.

– Мужик находит работу даже во время Джута²², чтобы прокормить свою женщину. Так я спас твою мать. Мужчины забывают свое предназначение, – сердито прохрипел старик, и, тяжело поднявшись, пошел к двери. – Посмотрю новости.

– Как ты чувствуешь себя, сынок? Ты голоден? Сейчас чаем напою чаем, подогрею еду, – захлопотала старуха.

– Мам, я не голоден. Только чай.

– Как же, как же. Нельзя так. Сейчас подкрепимся, айналайын²³. Как там Айсулу, Анель?

– Я у вас побуду, мам?

– Конечно, балам. Арине²⁴. Это твой дом, ты здесь вырос. Твоя комната всегда здесь, – перемежая казахские слова с русскими, захлопотала радостно старушка.

Смагул пытался сосредоточиться на новостях, сидя перед телевизором. Но все внимание было переключено на разговор сына с матерью на кухне:

– Анель на работе. Все хорошо.

– А Айсулу?

– Нормально, – неуверенно ответил Даир, – нормально, – чуть тихо дрогнул голос.

Изменившаяся интонация, скомканная фигура, растерянный взгляд – сын не умел скрывать проблемы в доме.

– Вы поругались, сынок? – спросила, Айша.

– Нет... нет, – неуверенно стал оправдываться Даир, – я решил немного отдохнуть. Соскучился по вам.

«Фальш. Слунтяй. Слабак. Никогда мужчина не должен уходить из дому. Предав семью – предашь Родину. Дезертир» – пронеслось в голове Смагула.

Айша только лишь раз ушла из дому. Это было тогда, когда он пришел домой поздно, выпивший. На рубашке краснела помада. И от него пахло женскими духами.

Айша ничего не сказала. Собрав вещи, она забрала старшую дочку и ушла утром.

Только через несколько месяцев они помирились.

Но Смагул больше не повторял ошибку.

– Ты устал, сынок. Ты побудешь рядом с нами. Мы соскучились по тебе. Мой ботақан²⁵. Что тебе приготовить сегодня?

– Мам, я давно не кушал твое кеспе²⁶. Очень скучаю.

Голос сына был жалок. Удручен.

«Что я вырастил и разве такого я хотел сына?» – ругал себя Смагул.

²² Джут (каз. *жүт*) – массовый падёж скота, вызванный обледенением пастбищ или обильным снегопадом, затрудняющим выпас скота (лошадей, овец) в Казахстане.

²³ Айналайын – ласковое обращение к детям у казахов.

²⁴ Конечно (каз.).

²⁵ Бота – верблюжонок. Ботақан – ласкательное от Бота.

²⁶ Кеспе — лапша по-казахски.

Но внутри появилось это слизкое, размытое ощущение, которое дрожащим комком подкатывало к горлу.

То, что он ненавидел.

То, что ему мешало расстреливать пленных немцев.

То, что когда-то его самого чуть не погубило.

Жалость.

Предательская. Глупая. Неуместная.

Пройдя лишения в детстве, голод, войну, лагеря, Смагул знал цену счастья и пытался оберегать семью всеми силами.

Он превратил свой дом в крепость, не жалея сил.

Чтобы они не голодали. Чтобы они были защищены.

Чтобы они не увидели того, что прошел он сам.

Но что получилось из мальчика?

Он так и не превратился в мужчину.

Только он, Смагул, судья своему сыну.

И не Айша, а он.

– Ну и что? Мой Даир. Меным балам²⁷ – он добрый. Может быть он нежный, как девочка. Зато у него сердце доброе. Ты хотел, чтобы он был алкашом как сын Хасена? – всегда защищала Айша

«Женищина, словно орлица, защищает птенца. Но так он не станет орлом. Кем он стал? Бакалейщиком у тех, кого они презирали. И считали врагом. Но что же, если он выбрал такой путь, так тому и быть.»

– Соскучились мы по внучке. Очень хотим ее видеть. Приводи ее, – прервал мысли Смагула голос из кухни.

– Она хочет выйти замуж, мам.

– Ойбай. Она же маленькая, – всплеснула руками старуха.

– Ей уже 25 лет, ...да, – даже на расстоянии Смагул почувствовал подавленный голос сына. Так вот в чем причина их ссоры.

«Девушка – гость в доме», – говорили в Степи. Когда-нибудь она выходит замуж.

«Смагул, не плачь», – убеждал он себя, когда выдавал дочку замуж.

А ведь голос дрожал, на глазах были слезы. Ведь часть души всегда уходит с дочкой.

Но в городе сегодня сыновья уходят за жену, а дочери берут мужей.

Кто их поддерживает со старухой?

Дочка. И внучка.

А где Даир? Где поддержка его жены?

Только по праздникам зайдут, чтобы поздравить.

А в прошлый Новый Год зашел их навестить только сам Даир. А невестка и внучка даже не удосужились зайти.

Айша оправдывала, что они встречали Новый Год у родителей невестки, у Айсулу.»

Нет, Смагул не считал себя мнительным. Он не хотел обижаться.

Но старики живут детьми. И он видел, как Айша страдала, хоть и не показывала виду.

Иногда старуха не спала ночь, вздыхая, и молча переживая.

Сын ближе к матери. Но это не значит, что он совсем не любил сына.

²⁷ Мой сын (каз.).

Скорей он рос, словно под покрывалом матери.
Она была посредником между ними. И о делах сына, отец узнавал от матери.

...

Все расслабились после прихода «кукурузника»²⁸. Люди стали мягче. Забыли о том, что строили. А «бровастый»²⁹ совершенно сделал их детьми.

Много стало свободы. Которая вырвалась и с каждым разом уничтожала все ценности вокруг. Жизнь рабочих, власть трудящихся стала прахом, дав привилегии тем, кто этого не заслуживал.

При Вожде, при Сталине, все было в порядке.

Да, стреляли.

Да, уничтожали. Он, Смагул, сам был в лагере, из немецкого попал в советский.

Но это нужно было для порядка. Для дела революции.

В итоге, отдав долг, он был реабилитирован. А в 80-х вернули все ордена и награды.

Ошибки неминуемы в таких делах. В Больших Делах.

А сейчас? А сейчас время мелких дел. Время мелких мыслей.

– Ты Анель передай: я по ней скучаю. Пусть приходит, – донесся трескучий голос старушки.

– Как Айя и Ася? – спросил сын о сестре и племяннице.

Старика немного раздражало вот это кромсание имен. Айжан, Асия превращались в непонятные имена – клички. Да и сын сам, слишком городской, практически не знал родного языка.

Смагул, стесняющийся своего косноязычного, кособокого русского лексикона, всегда мечтал, чтобы дети научились хорошо говорить на русском.

– Асия после учебы у нас. Айжан на работе. Устает. Но, Слава Богу, они постоянно рядом. Помогают по хозяйству. А нам ничего и не нужно. Что нам, старикам, нужно? Только чтобы вы были живы, – ответила мать, – Кстати, отцу подарили медаль в честь 70-летия победы.

– Поздравляю. У него уже столько медалей.

– Если бы он еще их надевал...

«Медали...

Если бы не было столько смертей.

Если бы не было крови.

Если бы не было лагерей.

Они отяжелели, эти медали.

И их трудно ...трудно носить».

²⁸ Хрущев.

²⁹ Брежнев.

Глава 8. Окоп

1944 г. Белорусский фронт.

Привычный треск пулеметной очереди.

Взрывы снарядов, оглушавшие и без того контуженое сознание.

Кровь, вперемешку с грязью.

Периоды ожидания между атаками, скрашиваемые терпкой махоркой – горлодером, и бесчисленными байками.

Солдаты много шутили, часто смеялись, чтобы убежать от горечи войны, которая была постоянно рядом.

В рукаве окопа их было четверо.

Двое спали, присев на корточках и уткнувшись, закопченными от грязи лицами, в колени.

Смагул клевал носом, сквозь дрему слушая болтовню земляка Босана. Поджарый, острый на язык, резкий, Босан не замолкал ни на минуту.

Но человеческая речь среди одури разрушительной войны, даже от надоевшего Босана, убаякивала.

Из соседнего полка, где служил друг, пришло известие, что Нурали погиб. Тот самый юный гармонист Нурали, по которому вздыхали все девушки аула.

Потом, уже после войны, Смагул узнал, что Нурали умирая, написал кровью на комсомольском билете «Умру, но ни шагу назад».

Эх...

Смагул привык к смертям на фронте. Здесь больше умирают, чем выживают.

И многие даже мечтали о ней, устав от бесконечной болотно-кровавой грязи.

– Говорят, Гитлер договорился с нашим, – опять завел разговор земляк, покашливая от крепкой махорки, – поскорей бы. Домой хочется.

– Откуда ты знаешь, Босан? Тебе что Гитлер лично доложил? – со злостью спросил Смагул.

– Ну так говорят, – неопределенно протянул Босан, скукожившись от холода.

Недалеко взорвался снаряд, осыпав их комьями земли. Они пригнулись еще ниже. Осколки неразборчивы и могут прилететь и от своих.

– Болтаешь много. Мы фрицев будем бить до самого Берлина.

– Немцев? А ты думаешь они из другого теста? Они такие же люди, как и мы. Вон погляди, это я нашел у убитого немца. Тут фотографии его дочки, жены. Жил себе человек и жил. Думаешь, ему хотелось тащиться в такую даль?

Смагул впал в дрему.

«Перед глазами опять появилось то самое болото.

По груди в воде, сливаясь с жижей, они, три новобранца, скрывались от врага.

Руки нащупали детскую распашонку под гимнастеркой. Мягкая ткань приятно грела руки. Это одежда малышки Алимь. Перед уходом на войну старушка Алуаш насильно нацепила на его грудь этот кусок ткани, пахнувший ребенком:

– Это оберег, балам. Ни одна пуля не возьмет тебя.

Он тогда только рассмеялся, упрекая старушку в суеверии. Но ее наказ выполнил.

Кожистая листва болотного багульника создавала плотный заслон между их укрытием и берегом, откуда слышалась громкая, отрывистая речь противника.

Как жаль, что у них нет пуль, чтобы перед смертью убить пару фрицев.

От истоциения перед глазами плыли галлюцинации.

И этот немец, внезапно появившийся перед ними с автоматом наперевес, показался сначала иллюзией.

В плотно надвинутой каске, в серой униформе, немного полноватый, фашист нацелил на них дуло автомата.

Вот она – смерть – в лице этого толстяка. Жаль, что не в бою. Жаль, что в болоте, а не на поле битвы. Но смерть не выбирает мест.

Солдаты сжались, и мысленно попрощались с жизнью.

Фриц не стал стрелять, а жестом приказал им выйти из ямы.

Значит, хочет взять в плен. Участь незавидная. Ведь их учили не сдаваться.

Но, с другой стороны, не хотелось навечно остаться гнить в этой болотной яме.

Фриц повел их не к своему лагерю, а в другую сторону, в лес.

Неужели хочет расстрелять в лесу?

Еле волоча ноги, солдаты обреченно побрели к лесу.

Смагул не боялся смерти. Она ежесекундно была рядом. Она стала такой же привычной, как и все обыденное в этой войне.

Немца можно попытаться обезоружить, и умереть уже от пули.

Но каждый шаг давался с огромным усилием. Три дня в болоте сделало их тиной: сапоги набухли, тело не слушалось. И, то падая, то поднимаясь, они, помогая друг другу, шагали к дубраве.

Фашист зорко следил за ними, время от времени подгоняя зычным окриком.

Как только они вошли в лес, фриц внезапно изменился в лице, опустил оружие, и похлопав их по плечу, залопотал:

– Их бин коммунист, камрад.

Затем, странный немец, продолжая хлопать их по плечу, передал им пару консервов и флагу с водой. И показал рукой в глубь леса:

– Шнел, инел. Москоу.

Молча и бесстрастно, не оглядываясь, троица равнодушно пошла вглубь. Их не удивил необычный поступок немца. Война выжгла все чувства.

Возможно, фриц хочет выстрелить в спину. Все можно ожидать от них. На то они и враги.

Но он не выстрелил. А лишь помахав на прощание рукой, исчез в зарослях.

Они продолжали идти.

Потеряв счет времени.

Заблудившись.

И истощенные, потеряв счет дням, рухнули без сил возле реки.

Их нашла разведка...

Рядом с пустыми немецкими консервами..

– Нее, Смагул. Немец не враг.. Все люди братья, а война превращает нас в зверей. Это наверху дураки, а нам расхлебывать. Это не наша война. Не наша, – вернул в действительность неумолкающий Босан.

– Ты это, с языком аккуратней, а то быстро тебя пристрелят.

– А мы же на казахском говорим, кто кроме нас понимает, – хитро улыбнулся Босан.

– А ты думаешь, среди казахов нет стукачей?

– Так слухи то на русском ходят, а не на казахском, – с лукавой усмешкой ответил Босан. Несмотря на разницу в возрасте, а Босан был лет на десять старше, он не чувствовал никакого уважения к нему.

Да и на родине, пьяница Босан не пользовался почтением земляков.

Бабник, забияка, драчун – ни один дебош не проходил без него.

В мирное время такого бы и в армию не взяли.

Злило в Босане и то, что он не совсем учтиво отзывался о Сталине.

Хотя в отряде многие позволяли это.

Люди устали от войны.

Но Смагул верил, что они выиграют эту войну благодаря Сталину.

А пустобрехи болтают лишнее.

Защищать Отчизну – это доблесть, которая не каждому дана. Ведь в ауле остались те, кого не взяли на фронт. И они вынуждены жить полумужичнами в окружении баб. Незавидная участь, когда идет война.

– Щас бы 200 грамм для сугрева. И женщину... Ась, Смагул? – опять этот непутевый Босан отвлекает дурацкими мыслями.

– Мы сейчас должны думать о победе, а не о всякой чепухе, – гневно сверкнул глазами Смагул.

– Эх, братишка, – по-русски озорно ответил Босан, – Что думать о том, что далеко и непонятно. Пока живы, нужно жить. Война – тоже жизнь. А ты вон уже в старика превратился. Ты, небось, нецелованный? Завтра кончит тебя фриц, а ты бабу не пробовал. А?

Дурак Босан. И мысли у него дурацкие.

Не тебе слушать то, что было.

И не мне тебе рассказывать.

В войне много ушло девственников.

Да и сам он девственник.

Но разве признаешься в этом пошляку Босану?

И вообще, не о том думает этот разгильдяй.

Нельзя расслабляться. Враг впереди.

Враг, которого привык ненавидеть.

Из-за которого они покинули свой край.

Из-за которого он покинул Айшу...

Глава 9. Сәлем қат³⁰

– Эй, Айша. Айша, да стой же ты, наконец....

– Салеметсыз ба³¹, Айкен апай.

– Салем – салем, вот, письмо тебе несу. Не угнаться за тобой.

– Письмо? Мне?

– Да тебе, тебе. Салем хат. С фронта, – запыхаясь, нагоняла ее грузная почтальонша

Айкен

– Ой! Рахмет.

– Ну, танцуй. Это, видимо, от твоего Смагула, – пошутила Айкен, вытаскивая из бездонной сумки заветный треугольник. – Эка ты шустрая. Еле догнала тебя, не жалеешь мои старые ноги, – тяжело дыша, ворчала сельская почтальонша.

– Да бросьте, Айкен апа. Какая же вы старая. Вам и сорока нет.

– Вот те на. Какая я тебе апа. Конечно я старше, но уж не апа³². Вот будет тебе 37, ты будешь считать себя молодой. А пока для тебя, я, конечно, старая. Эххх. И мужиков не осталось в ауле, чтобы оценить меня. Все больше старики, дети да больные. Такие времена ведь, что стареешь быстро. За себя и за мужчину.

– Вот это Исаевым. Эти же письма Шаймерденовым и Курбатовым. А вот это тебе, голу-бушка. Читай, что тебе написали, – суетясь, бурчала Айкен, – слава Богу, что письмо. А то вчера разнесла пять похоронок. А сегодня, тьфу-тьфу, ни одной. День хороший. Поскорей бы это проклятая война закончилась. Даже не от беготни устаешь. А от слез. В старину, говорят, казнили тех, кто приносил плохие вести. ...Меня, наверное, нужно казнить уже тысячу раз. Устала я от всего. Ой, милая, устала. Мой-то пишет редко. Но каждый раз со страхом жду письма. Ну на, на, заболтала я тебя. Эка вон у тебя глазки горят от нетерпения. Да улыбнись ты.

– Спасибо, спасибо, Айкен апай. Я вам очень благодарна, – схватив судорожно письмо, благодарила Айша.

– Да ладно. Ты оплатишь мне возвращением Смагула после победы и большим – большим тойем³³. И народите вы кучу детей. И тогда я могу уйти на пенсию, чтоб наконец-то отдохнуть. Ну, давай иди, беги..., – уже вслед убегающей девушке крикнула почтальонша.

Спрятавшись в саду, под раскидистым карагачом за сельским клубом, Айша не могла унять бешено колотящееся сердце и нервную дрожь. Сердце готово было выскочить из грудины.

Она боялась раскрыть конверт, настолько ее взволновало ожидание.

Нужно подождать. Унять нетерпение.

Письмо нужно читать в спокойствии, погрузившись в буквы.

Она еще сто раз прочет это письмо. Это треугольное, обклеенное штампами, потертое от многих рук, глаз и расстояния – письмо.

Письмо – драгоценность. Письмо – надежда. Письмо – любовь.

Походив по саду, Айша еще раз посмотрела на треугольник.

³⁰ Сәлем қат- дословно, приветственное письмо. Письма с фронта.

³¹ Здравствуйте

³² Апа – бабушка.

³³ Той- праздник.

Прижав к груди, Айша разрыдалась. Все бы отдала, чтобы он был рядом и сам читал свое письмо.

Она до вечера сидела, читая и перечитывая письмо.

Нюхая и прижимая к груди.

Вставала. Долго ходила вокруг дерева.

И опять раскрывала листок, чтобы перечитать то, что возможно упустила.

Салем қат.

Амансын ба³⁴, Айша?

Живы ли, здоровы наши родные?

Как себя чувствуют соседи и аульчане?

Знаю, время не легкое.

Но мы все делаем для того, чтобы настало мирное время, по которому мы все здесь соскучились.

Милая Айша,

В первых строчках своего письма хочу выразить свою нежность и любовь к тебе.

Каждый раз перед боем, я вытаскиваю твою фотокарточку, и говорю тебе слова.

Словно ты рядом.

Я разговариваю с тобой после боя.

И ночью. И днем.

Я разговариваю с тобой каждую минуту.

Я ни на секунду не забываю о тебе, милая Айша.

Помни, чтобы ни случилось, твой Смагул всегда любил, и будет любить, пока жив.

Айша, в предыдущем письме ты спрашивала меня про мое здоровье. Про наш отряд. Про фронт.

Скажу тебе, что дела сейчас у нас идут очень хорошо.

Мы сыты. У нас хорошая одежда.

Обычно наш боевой день начинается в 3 утра. До этого ведется ружейная и пулеметная перестрелка. Пули летят над головами, жужжат, ударяются в брусстер окопа и издают звук кипения каши или когда идет дождь – звук падающих капель в лужу. Но на это не обращаешь внимания, дело привычное. Даже разрывов снарядов не замечаешь.

Мы бьем фрица. Фашист бежит. И мы погоним врага до самого Берлина.

Мы ни на секунду не сомневаемся в этом.

Фашисты уже сдаются в плен. Говорят, не хотим воевать за Гитлера.

Ну и правильно. Они чувствуют, что мы их сильнее, потому что правда на нашей стороне.

Со мной в отряде служит Босан. Ты его не знаешь, он старше. Он не дает мне скучать.

Он очень веселый. Правда, болтает много.

Вот сейчас он опять балагурит. Никогда не унывает наш Босан.

Но это хорошо. Не время для уныния.

Зато помогает скрасить время между сражениями.

Погибли Ержан, Сергей, Нариман, Кайрат.

А Шокаю, машинисту из депо, оторвало ногу. Он был как раз рядом.

Мы с санитаркой пытались его перевязать.

Но крови много ушло. И мы не смогли спасти его. Он умер на моих руках.

³⁴ Амансын ба- Все ли в порядке с тобой?

Перед смертью он просил передать семье, что сильно любит их. И чтобы не забывали его.

Не знаю, может, ты заходила уже к ним.

Передай эти слова им.

Позавчера мы сажали деревья.

Помнишь как мы посадили деревья возле клуба той весной. И еще повязали ленту?

А те деревья, что возле Томар құдық³⁵, где мы дали клятву. Они еще стоят?

Они же большие такие.

Война убивает леса и сады.

Между боями мы помогаем местным жителям восстанавливать дома.

Мужиков в этих домах тоже не осталось. Все на фронте.

Местная малышня напоминает мне детство.

Так соскучился я по аулу. По запаху жусана³⁶. По дикой скачке на коне по степи.

И еще по нашей еде. Мне здесь ее не хватает.

Но это война, Айша. Мы должны терпеть. Ради тех, кто ушел. Ради тех, кто остался.

Мы не отдадим врагу ни одного метра нашей земли.

Мы будем сражаться до конца.

Вот сейчас опять вытащил твою фотокарточку.

Я глажу ее, и опять ощущаю, как глажу твои гладкие волосы.

Ты рядом со мной везде.

И ты не даешь отчаяться мне.

Как я хочу увидеть тебя и прижать тебя к груди.

Айша! Многие говорили, что война постепенно выветривает из души солдата человеческую нежность. Оказывается подобные утверждения – суцая ерунда. Наоборот, мои чувства окрепли, превратились в нечто такое, что нельзя отделить от души моей. Я верю в наше будущее. Оно у нас светлое, молодое и прекрасное. А ты в этом будущем видишься мне знаком чистоты, делаешь жизнь вечно юной, звенящей, как веселый ручей.

Удивительная тишина вокруг.

Кузнечики... Трава... Солнце... Как будто нас сюда на отдых собрали.

А люди отсюда уходят на смерть.

Здесь запах смерти повсюду.

Но я умирать не собираюсь.

Мы столько прошли с тобой.

У нас с тобой еще так много впереди.

...В атаку мы пойдем на рассвете.

Думаю о многом – перед боем всегда как бы входил в новый мир.

Мир войны.

Спи спокойно, родная. Мы бережем твой покой.

Я стал солдатом, чтобы сражаться за тебя, за нашу Родину.

И с мыслью о тебе и о Родине я пойду завтра в бой.

Поцелуй от меня всех наших родных и друзей.

Твой. С.К.

Белорусский фронт, 7 мая, 1944 год.

³⁵ Томар құдық – колодец, устланный корнями саксаула.

³⁶ Жусан – полынь.

Р.С. Я вспоминаю, как впервые встретил тебя там, в урочище Бетпак Дала. И мы выжили тогда, во время Итзамана.. Выживем и сейчас.

Глава 10. Итзаман³⁷

– Беги, Айша, беги, – стонал ветер. – Беги, чтобы спастись.

– Нет, нет, я не брошу их. Я не оставляю их, – заливаясь слезами, бегала тщедушная девочка вокруг небольшого холма, охраняя уже остывшие тела родителей и сестры от диких зверей.

Степной ветер вздыбал песок Сары Кума и забивал рот, уши, глаза девочки.

Одетая в лохмотья, получеловек, полу-призрак, человеческий обрубок, с демоническим неистовством махала огромным куском саксаула, вцепившись в палку двумя худющими детскими ручками.

Руки затекали, большой платок, накинутый на голову сбивался от ветра, обнажая косички.

Но девочка не отступала.

– Кет, кет³⁸, – кричала она нападавшим то ли собакам, то ли шакалам. То ли отощавшим волкам.

Звери завыли, залаяли и все теснее обступали девочку и три тела, которые охраняла она.

– Рррр, – зарычал их вожак. Пена капала из обнаженных в оскале клыков. Оскал предвкушения жертвы.

Прижав голову, зверь тяпнул за руку девочку, свалив ее на землю.

Обрезанные уши, след от ошейника на шее:

– «Все-таки это собаки», – пронеслось в голове Айши.

Остальная стая одичавших, голодных зверей начала терзать тела рядом. Тела отца, матери и сестренки, упавших от бессилия и голода задолго до этого.

– Это конец, – подумала Айша и закрыла глаза. Ее охватило безразличие, тело стало каменеть.

Гулкий выстрел раздался так громко, что показалось, как будто под самым ухом. Зверь упал на нее, придавив своей массой. Завоняло псиной.

Остальные собаки заскулили и разбежались.

С холма спустился мальчик. Не намного старше ее. Лет двенадцати. В руках держал ружье.

– Вставай. Пошли, – взяв за руку, потянул он девочку.

– А они? Что с ними?

– Они мертвы.

– Но их съедят ведь.

– Какая разница. Они же все равно мертвы.

Мальчик силой потянул ее в сторону. Девочка покорно пошла за ним, заливаясь слезами.

– Меня зовут Смагул, – важно сказал мальчик

– Я... Айша, – прошептала девочка, еще не оправившись от шока.

³⁷ Итзаман – дословно: собачье время.

³⁸ Кет – уходи.

Глава 11. Апа

Море раскинулось на сотни километров, до самого горизонта.

Словно на этом месте заканчивалась земля, а дальше была бесконечная вода.

Чистое, безмятежное, спокойное в своей ленивой ряби, оно словно жило своей, отдельной, нечеловеческой жизнью, где нет людей и голода, а есть только величественная вечность.

Даже степной ветер, уверенный и сильный в степи, растворял свои силы, покорившись мудрому спокойствию синего великана. Вдали чернели маленькие утлые суденышки рыбаков. А вдоль берега раскинулся тонкой змейкой черный рыбацкий поселок из врытых в землю саманных землянок.

Смагул пошел к самой крайней, самой маленькой, у которой крыша была почти вровень с землей. Внутри сильно пахло рыбой, сыростью, и жженым адыраспаном³⁹.

Тусклый свет падал из маленьких проемов окон, устланных прозрачной животной пленкой, местами оторванной и свисающей лохмотьями.

Возле окна стояла разваленная, потрескавшаяся печь, обмазанная саманной глиной, смешанной с кизяком, на которой варилось что-то терпкое, булькающее и не аппетитное.

У печки хлопотала сухонькая старушка в теплом халате, обмотанная шерстяным платком.

– Апа, – окликнул ее Смагул, – я привел девочку. Она потеряла семью в Степи.

Старушка молча взглянула на Айшу и продолжила мешать варево в казане.

Смагул провел Айшу в другую комнату, еще более холодную и темную.

– Я работаю в рыбацкой артели, мне пора. Ну, не тоскуй, – попрощался он и покинул землянку.

Айша долго сидела, уткнувшись в колени, и тихо плакала.

– Эй, как тебя зовут, – бесцеремонно позвала ее старушка.

– Айша...

– Иди сюда, Айша. Подкрепись, садись к дастархану⁴⁰, – пригласила старуха к накрытому на кошму износившемуся покрывалу и протянула ей миску с похлебкой.

– Я сыта, спасибо, – отказалась было Айша, с нескрываемым отвращением взглянув на непонятную жижу, хотя в желудке давно ничего не было.

– Кушай. Потом привыкнешь. Мяса нет давно. Рыбу и то забирает власть. Вот, кормимся требухой рыбьей. Хоть она и воняет, но потом привыкаешь. Коңіл тойса-қарында тойады⁴¹..

Айша, сморщив нос, преодолевая отвращение, с трудом стала хлебать варево с ужасным вкусом.

– Ничего, – усмехнулась старушка, – это только на первый взгляд. Человек ко всему привыкает. Меня можешь звать Алуаш апа⁴².

Из каких-то закутков кармана, Алуаш вытащила кусочек желтого сахара и протянула Айше:

– Тебе нужно хорошо питаться. Сахар нужен, силы нужны. Тебе жить и жить. И не думай о тех, кто ушел.

Подкрепившись, Айша почувствовала усталость и незаметно заснула за дастарханом.

³⁹ Адыраспан – трава Гармала обыкновенная. Используется для защиты от злых духов.

⁴⁰ Скатерть, используемая во время трапез.

⁴¹ Если будет настроение – то и желудок насытится.

⁴² Апа – бабушка. Эке – отец. Қобызшы – музыкант, играющий на струнном инструменте кобыз

Ей снился родной аул, маленький жеребенок Керулен, лужайка и речка в богатых на растительность родовых землях под Омском. И отец, смеясь, усаживал ее на строптивного жеребенка.

– Эке, Эке, – вскрикнула девочка и проснулась в полной темени.

Рядом лежала старуха.

– Эке, – тихо зарыдала Айша, вспомнив день. Сквозь маленькое окошко светила тусклая, безрадостная луна.

– Иди ко мне Айша, ложись рядом, – потянула к себе Алуаш и, укрыв одеялом, стала ласково гладить девочку:

– Давным-давно, Айша, вдоль берега этого моря шел кобызшы Қорқыт⁴³. Говорят, он боялся смерти. Кто ее не боится? Даже те, кто прожил сто лет, боятся ее. И он пытался убежать от нее. Он уходил от людей, чтобы не видеть, как умирают люди.

Но везде смерть его преследовала. Он видел ковыль, выгоревший от солнца, дерево, упавшее от молнии и высохшее, раненого кулана, съеденного волками, рыбу, которая задыхалась на высохших протоках.

Все напоминало ему о том, что и его конец близок. Так устроен этот мир.

Всеми когда-то приходит конец.

Видя и слыша все это, Коркыт в своих одиноких терзаниях выдолбил из дерева ширгай – первый кобыз, натянул на него струны и заиграл, изливая свои мучительные мысли и чувства. Он вложил всю свою душу в эти мелодии, и чудесные звуки его струн прозвучали на весь мир, дошли до людей, захватили и пленили их. С тех пор мелодии Коркыта и созданный им кобыз пошли странствовать по земле, а имя Коркыта осталось бессмертным в струнах кобыза и в сердцах людей.

И он перестал бояться смерти. Потому что смерть – это новая жизнь. После конца всегда есть начало.

Алуаш вздохнула, еще тесней прижав к себе Айшу:

– Страшные времена тоже заканчиваются. После них наступит новое время. Лучшее. Радостное. Но для этой жизни нам нужно выжить. Голодомор не вечен. Он не победит жизнь. И Жалан бет тоже не вечен. Придет время, когда появится много скота. Станет много рыбы в море. Когда люди не будут умирать от голода. Появятся новые люди. Новые города. И тебе, Айша, жить в них. Оставь сегодняшний день в сегодня. Завтра будет другой день и другая жизнь. Не мучай сердце. Твои родители в лучшем мире. А ты сделай свой мир лучше.

...Голос Алуаш успокаивал и убаюкивал Айшу. Обнявшись, они всю ночь, не сомкнув глаз, пролежали до утра.

Снаружи скулил голодный ветер, прорываясь через щели ночным морозом.

Но им было тепло.

Одна нашла дочь, другая – мать.

⁴³ Қорқыт – легендарный тюркский поэт-песенник и композитор IX века, выходец из степей вдоль реки Сыр-Дарья. Создатель кобыза, акын, сказатель, покровитель поэтов и музыкантов. Кулан – вид семейства лошадиных. Жалан Бет – дословно Голая Щека. И. Голощекин. С октября 1925 по 1933 занимал должность первого секретаря ЦК Компартии Казахстана. Страшный голод, поразивший Казахстан в 30-х годах и унесший почти 1,8 миллиона человек, прочно слился в общественном сознании с именем Голощекина и его теорией «Малого Октября». В то же время степные просторы Казахстана стали местом ссылки раскулаченных из других районов Союза. Казахская степь превратилась в один из филиалов ГУЛАГа. В 1929—1932 гг. прокатилась волна восстаний против насильственной конфискации и коллективизации, которые жестоко подавлялись карательными акциями. Значительная часть казахских хозяйств, спасаясь от репрессий, откочевала в пределы Китая, Афганистана, Ирана. В период руководства Голощекина началось уничтожение тонкого слоя национальной интеллигенции. Так, в конце 1928 г. были арестованы 48 человек из числа так называемых «буржуазных националистов» – бывших деятелей «Алаш-Орды» и др.

Глава 12. Надломленный стебель

«... Уже более трех лет наша партия ведет последовательную борьбу против культа личности И. В. Сталина, настойчиво преодолевает его вредные последствия»⁴⁴.

Десять лет...

Столько времени он не видел Айшу.

Как быстро и в то же время – как долго.

Эти мучительные года, словно сон, словно тяжелый кошмар, долго не уходящий из его сознания.

Кошмар войны сменился другим ужасом.

Ужасом предательства.

«В конце 1922 г. Ленин обратился с письмом к очередному съезду партии, в котором говорилось:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»....»

Тенистая весенняя аллея благоухала ароматом нежной алматинской весны.

Весны любви, поры надежды, эпохи молодости.

А ведь он уже не так молод.

Он рано повзрослел.

Вот уже 30. А выглядит... выглядит, словно, изможденный потухший старик.

В тех местах нет жизни.

В тех местах юноша становится ветхим старцем.

«...Большой вред делу социалистического строительства, развитию демократии внутри партии и государства нанесла ошибочная формула Сталина о том, что будто бы по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет все более и более обостряться. Эта формула, верная только для определенных этапов переходного периода, когда решался вопрос „кто – кого?“, когда шла упорная классовая борьба за построение основ социализма, была выдвинута на первый план в 1937 г., в момент, когда социализм уже победил в нашей стране, когда эксплуататорские классы и их экономическая база были ликвидированы. На практике эта ошибочная теоретическая формула послужила обоснованием грубейших нарушений социалистической законности и массовых репрессий».

Его преследовали не страшные картины войны, а вероломство и коварство тех, кого он считал друзьями.

И слова. Те слова, сделавшие его «врагом».

Их забрали сразу после возвращения, даже не дав насладиться мирной жизнью.

«Агенты империализма. Шпионы английской разведки. Коллаборационисты».

Этих обвинений было достаточно, чтобы упечь их на долгие годы в сибирские лагеря.

«...Положение еще больше осложнилось, когда во главе органов государственной безопасности оказалась преступная банда агента международного империализма Берия. Были

⁴⁴ Из постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности» было принято по итогам XX съезда партии (февраль 1956 г.), который рассмотрел вопрос о культе личности Сталина.

допущены серьезные нарушения советской законности и массовые репрессии. В результате происков врагов были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди...»

Значений слов, в чем их обвиняли, они даже не знали.

«После победы отрицательные последствия культа личности вновь стали сказываться с большой силой...».

Айша встретила его на перроне, уже в июле 45-го.
И они шли, обнявшись, счастливые, растворившись в своей любви и счастье.
Но не все радовались победе.
Каждый второй дом не дождался мужчин с фронта.
Рядом были поселения, куда привезли тех, кого депортировали.
Женщины. Старики. И дети.
Трудно было радоваться, когда каждый второй плакал.
И они, Айша и Смагул, украдкой, дворами, добирались до дому.
Пряча глаза от «потерявших». Опуская голову при встрече с «опальными».
Скрывая свою радость под состраданием.

«Однако нельзя вместе с тем забывать, что советские люди знали Сталина, как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врагов, борется за дело социализма. Он применял порою в этой борьбе недостойные методы, нарушал ленинские принципы и нормы партийной жизни. В этом состояла трагедия Сталина».

Многих уничтожили в 30-х.

Но никто не думал, что репрессии продолжатся после войны. Даже, казалось бы, когда ты победитель.

Не дав ни с кем попрощаться, Смагула забрали на рассвете и после быстрого суда отправили в дальние лагеря.

«Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил», – звучало в голове Смагула.

«Руководствуясь этим ленинским принципом, наша партия и впредь будет смело вскрывать, открыто критиковать и решительно устранять ошибки и промахи в своей работе».

С тех пор Смагул не видел Айшу, которая уже к тому времени перебралась в город и, закончив вуз, работала учителем в школе.

Он не писал ей. Надеясь, что она забудет его, вычеркнув из своей памяти.

Два года он украдкой следил за ней, боясь показаться ей на глаза.

Кто он? Бывший зек. Враг народа. Человек без паспорта. Никто и ничто.

А она?

Она еще больше похорошела. Статная, красивая, ухоженная.

Ему было стыдно показаться ей на глаза.

«Наша социалистическая страна перестала быть одиноким островом в океане капиталистических государств. Ныне под знаменем социализма строит новую жизнь более трети всего человечества. Идеи социализма овладевают умами многих и многих миллионов людей».

в капиталистических странах. Огромно воздействие идей социализма на народы Азии, Африки и Латинской Америки, выступающие против всех видов колониализма».

Смагул шел по тенистой аллее, держа в руках заветную контрамарку и жидкие цветы.

Стебли цветов надломились, и двое из букета повисли, с отчаянием взирая на своих прямых собратьев. Здоровые, занимая центр букета, отгесняли сломавшихся с каждым шагом Смагула. И один из стеблей, надломившись, окончательно упал на землю.

Но другой держался, даже сломленный, держась из последних сил за руку Смагула.

«В современных условиях перед коммунистическими партиями и всем международным рабочим движением открываются широкие воодушевляющие перспективы – добиться вместе со всеми миролюбивыми силами предотвращения новой мировой войны, обуздать монополии и обеспечить длительный мир и безопасность народов, прекратить гонку вооружений и снять с трудящихся порождаемое ею тяжкое бремя налогов, отстаивать демократические права и свободы, обеспечивающие трудящимся борьбу за свою лучшую жизнь и светлое будущее. Именно в этом кровно заинтересованы миллионы простых людей во всех странах мира».

– Смагул...

Сердце сжалось, готовое выпрыгнуть из груди. Стало трудно дышать.

– Смагул... это я. Неужели ты думал, что я не вижу тебя, – подошла к нему красивая женщина.

– Айша... я... стеснялся... Ты стала другой. Величественной... и неприступной...

– ...Смагул, – укоризненно покачала она головой, и в ее безумно красивых глазах отразился сжавшийся, рано поседевший мужчина с затравленным взглядом. – Неужели ты думал, что для меня так важно, как ты выглядишь? Неужели ты поверил в то, что я на минуту, на секунду забыла о тебе? Была ли хоть одна ночь без мысли о тебе? Был ли хоть один день без дум о тебе... А мои письма?

– Прости, Айша. Я боялся отвечать тебе... Хотел, – порывисто прижал руку к сердцу Смагул и, судорожно глотая воздух, выдохнул, – Я хотел, чтобы ты поскорей забыла меня. Я ведь другой. Враг. А не герой, – и склонив голову, произнес, – Меня потрепала жизнь. Я не ровня тебе. Я подарю цветы. И исчезну... Навсегда.

– Значит, ты не любишь меня?

– Айша, что ты такое говоришь? – в отчаянии схватил ее руку Смагул. – Я за тебя жизнь отдам.

– Я знаю, Смагул. Я знаю, – подойдя вплотную, прошептала Айша. Она погладила его щеку. И, проведя ладонью по его волосам, прижалась к нему. И словно вдохнув его запах, прошептала. – Как долго я ждала этого мига.

Букет упал на землю.

– Айша... милая Айша, – уткнувшись в ее волосы, пахнущие нежным незнакомым ароматом, прохрипел Смагул, – Ты согласна быть моей женой?

– Да, конечно же, да, – тихо промолвила Айша.

– Несмотря на то, что я – враг народа. Что я – уголовник. Человек без адреса. Без паспорта, с жалкой бумагой, вынужденный всю жизнь бояться людей в погонах?

– Дурачок, – с улыбкой взъерошила она его короткие волосы, – Дурачок. Твой паспорт – это твое сердце. А наш адрес теперь – любовь.

«Вопреки всем проискам идеологов капиталистических монополий рабочий класс во главе с испытанным коммунистическим авангардом пойдет своей дорогой, которая привела к исто-

рическим завоеваниям социализма и приведет к новым победам дела мира, демократии и социализма...

...Чтобы создались условия для неуклонного подъема жизненного уровня трудящихся,.....для всестороннего развития личности нового человека – строителя коммунистического общества...»⁴⁵.

Прохожая – женщина с авоськой, увидев упавший букет, подняла цветы и понесла к удаляющейся паре.

Но догнав, она застала их целующимися.

Тихонько, чтобы не вспугнуть, женщина аккуратно положила букет на скамейку, и, улыбаясь им, чему то довольная, пошла дальше по аллее.

⁴⁵ Печатается по тексту газеты «Правда» 1956, 2 июля, №184.

Глава 13. Городские аксакалы⁴⁶

– Эх, Смагул, ты не любишь сына. Ты не любишь Даира, – упрекала Айша, – погладь, обними. Ты словно старая печь – кряхтишь, да не греешь.

– Эх, Айша, – в мыслях отвечал он, – Сын – всего лишь часть твоего дела. Почему же люди любят детей больше, чем они их? Потому что ты творец и дети – твое произведение. И каждый вздох твоего создания отражается на всей твоей сущности.

«Разве могу я не любить его, мою кровиночку. Разве он не смысл всей моей жизни? Почему же ты несправедлива, Айша?»

Да, я старая печь. Я не грею. Но внутри у меня огонь. И люблю его внутри. В своем внутреннем мире, где Даир – центр Вселенной. Ох, Айша. Любовь – это не всегда то, что снаружи. Да если бы ты увидела каплю того, что творится со мной, когда думаю о нем. Но мне трудно показать ему свою любовь. Не так я воспитан. Такая судьба, видимо, мучиться молчанием. Не учили меня говорить. А жизнь учила только молчать. Не видел я любви родителей, Айша. Потому что самих родителей не видел с тех времен, как их репрессировали

Как и меня, Айша.

Я высох от всего этого. Но сердце...

Оно не молчит. Оно не может стать камнем, когда есть сын. И старая печь, если в ней есть хоть толика огня, будет греть.»

Смагул шел по аллее, где они впервые встретились с Айшой после его реабилитации.

Словно это было вчера. А прошло почти полвека.

Полвека жизни.

Деревья – свидетели этой жизни.

Им не нужно торопиться.

А впрочем, как и ему. Одно из преимуществ старости – не нужно никуда спешить:

«Я признаю, Айша, что никогда не гладил сына. Но внутри. Я всегда радовался его успехам. Это тихая, безмолвная любовь. Ее не показывают. Ею просто живут.

Отец любит сына больше, чем он его. Все мы сыны своих дел. Все мы отцы своих желаний».

– Смагул, – окликнул его кто-то.

Смагул узнал знакомый начальственный голос бывшего парторга Мусабая.

Вальяжный, неприветливый, надутый Мусабай не умел беседовать, а по привычке втолковывал доведенные до автоматизма лозунги. Мнение собеседника он слушал редко.

– Вы не знаете. Вы ничего не знаете. Все что происходит, я говорил давно. Я предсказывал и год назад. И два. Все это река, которая каждый год течет по тому же руслу. Калкен, ты слышишь меня? – выбирал он жертвой тихого маленького старика в старомодной, темной шляпе, которую тот иногда снимал и долго разглаживал.

В общем-то Калкен только и делал, что разглаживал шляпу. Старым людям тяжело менять свои привычки.

⁴⁶ Аксакал (каз.) – дословно: белобородый. Старик.

– Ассалам Алейкум, Мусеке. Сәлем, жігіттер⁴⁷, – поприветствовал Смагул, сидящих за шахматами стариков на скамейке.

Мусабай надменно кивнул головой. Слегка, чтобы подчеркнуть свое величие.

Таков он, этот гордец, считающий, что не люди нужны ему, а он – им.

Жмурясь весеннему солнцу, старики сидели в том же парке, где они каждый день пересказывали одни и те же рассказы, забывая детали, и добавляя новые подробности.

Высокомерный Мусабай, добродушный Калкен, сосредоточенный Герман и суетливый Кадыр.

Старость особенно больно бьет по тем, кто считает, будто им подвластен бег времени.

– Куда идешь, Смаке? – спросил Кадыр, младший из всех.

– Грамоту получать. И, наверное, награду в честь юбилея Победы скоро дадут.

– Смагул Ерланович, құтты болсын⁴⁸, – вежливо, обращаясь всегда по имени отчеству, поздравил Герман. Рожденный в Поволжье, он был депортирован в степи Тургая совсем еще маленьким. Но его родители не выжили, не пережив долгий путь.

И Германа усыновила казахская семья. С тех пор он подчеркнуто говорил на казахском. Демонстрируя превосходное произношение и знание языка, заставляя собеседника переходить на литературный уровень. А его лексикон был очень богатым.

⁴⁷ Привет, джигиты.

⁴⁸ Поздравляю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.